Самсон Гелхвидзе

Исторический роман

На изломе эпох

Роман

18+

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ

НА ИЗЛОМЕ ЭПОХ – (роман)

«Автор»
2026

ГЕЛХВИДЗЕ С.

НА ИЗЛОМЕ ЭПОХ – (роман) / С. ГЕЛХВИДЗЕ — «Автор», 2026

На фоне бурных событий 1917–1924 годов, когда рушатся прежние государственные устои и рождается новая политическая реальность Грузии, разворачивается история журналистского расследования, постепенно превращающегося в испытание человеческой совести.Исчезновение денег в железнодорожной мастерской приводит Давида к запутанной цепочке старых документов, забытых свидетельств и судеб людей, чьи решения много лет назад определили чужие судьбы. За расследованием постепенно открываются страх, корысть, молчание и попытки скрыть прошлое. Но рядом оказываются и те, кто, несмотря на давление обстоятельств, сохранил верность правде.Это роман не только о тайнах и преступлениях, но прежде всего о человеке на историческом переломе, о цене нравственного выбора, ответственности за собственные поступки и мужестве признать ошибки.«На изломе эпох» — повествование о времени, которое меняет государства, и о совести, которая проверяет каждого человека.

© ГЕЛХВИДЗЕ С., 2026
© Автор, 2026

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ
НА ИЗЛОМЕ ЭПОХ – (роман)

НА ИЗЛОМЕ ЭПОХ – (роман)

Исторический роман

Пролог. Выстрел, который услышал мир

Петроград, ночь с 25 на 26 октября 1917 года.

Нева в ту ночь казалась особенно тёмной. Холодный осенний ветер гнал по её поверхности мелкую рябь, и редкие огни набережных дрожали в воде, словно отражения далёких костров. Над городом висело низкое облачное небо. Ветер пробирался между домами, свистел в узких переулках и приносил с собой запах сырости, дыма и чего-то ещё — тревожного, неуловимого, что уже несколько месяцев ощущали жители бывшей имперской столицы.

Петроград жил ожиданием.

На улицах почти не было привычного ночного движения. Изредка проезжали грузовики с вооружёнными солдатами, у перекрёстков стояли патрули, а возле крупных зданий собирались небольшие группы людей. Одни говорили вполголоса, другие спорили, не скрывая раздражения. В газетных киосках ещё оставались выпуски дневных газет, но новости устаревали быстрее, чем их успевали прочитать.

Временное правительство всё ещё находилось в Зимнем дворце, однако власть его уже почти не распространялась за пределы тех помещений, где министры пытались принимать решения. Важнейшие учреждения столицы переходили под контроль Военно-революционного комитета. Телефонные линии обрывались, распоряжения противоречили друг другу, а люди, ещё недавно уверенные в прочности государственного порядка, теперь с тревогой спрашивали друг друга, кто же в действительности управляет городом.

На Неве стоял крейсер «Аврора».

Его тёмный корпус почти сливался с ночной водой. На палубе двигались матросы, негромко переговариваясь между собой. Кто-то курил, прикрыв ладонью огонёк папиросы от ветра, кто-то смотрел в сторону набережной, где за линией зданий угадывался силуэт Зимнего дворца.

Для многих из них это была ночь, каких они прежде не знали. Они пришли на службу не для того, чтобы стать участниками событий, о которых впоследствии будут писать книги. Каждый имел свою жизнь, свои воспоминания, свои причины оказаться здесь. У одного в далёкой деревне оставались жена и двое детей, другой недавно получил письмо от матери, третий ещё летом мечтал вернуться к мирной работе и больше никогда не слышать военных команд.

Но теперь всё это отступило перед происходившим.

На палубе появился старший офицер. Он остановился возле орудия, посмотрел на часы и обменялся несколькими словами с командиром расчёта. Приказ был известен. Крейсер должен был дать холостой сигнальный выстрел.

Никто не мог сказать, что почувствовали люди в эту секунду. Возможно, каждый думал о своём. Возможно, многие понимали, что становятся свидетелями события, последствия которого пока невозможно предугадать.

Ночь оставалась неподвижной.

И вдруг над Невой раздался выстрел.

Глухой, тяжёлый звук прокатился над водой, ударился о каменные стены набережных и ушёл в глубину ночного города. На мгновение показалось, что даже ветер стих. Где-то на берегу кто-то обернулся, несколько человек поспешили к перекрёстку, а в окнах домов одно за другим стали появляться огни.

Это был холостой выстрел. Он не должен был разрушать дворцы или поражать людей. Но его услышали тысячи, а позднее о нём узнали миллионы.

В ту ночь выстрел «Авроры» стал одним из символов Октябрьского восстания.

У Зимнего дворца продолжались события, которые уже невозможно было остановить одним распоряжением или переговорами. К утру власть Временного правительства прекратила существование. Россия вступала в новую, неизвестную ей эпоху.

А далеко к югу, за равнинами, перевалами и горными дорогами, лежал Тифлис.

Там тоже наступала ночь. В окнах домов ещё горели лампы, в некоторых кофейнях задерживались последние посетители, а в редакциях газет работали люди, которым предстояло сообщить читателям новости из столицы бывшей империи.

Пока никто в Тифлисе не знал, каким долгим окажется путь, начавшийся в ту осеннюю ночь.

Никто ещё не знал, что через несколько месяцев прежняя связь Закавказья с Россией окончательно изменит свой характер, что возникнут новые государственные учреждения, что на политической карте появится независимая Грузия, а спустя несколько лет многим участникам этих событий придётся покинуть родную землю.

В эту ночь Тифлис ещё спал. Но история уже постучала в его двери.

Часть первая. Россия меняет судьбу

Глава 1. Город, который прислушивался

Тифлис встречал осень непривычной тишиной. Впрочем, назвать её настоящей тишиной было бы трудно. Город продолжал жить своей шумной, беспокойной жизнью: на базарах торговались покупатели, по узким улицам проезжали конные экипажи, у лавок собирались знакомые, а из открытых окон доносились голоса и звуки домашней работы. На Метехском подъёме, как и прежде, спешили прохожие, а на берегах Куры рыбаки привычно осматривали свои снасти.

И всё же что-то изменилось.

Люди стали чаще останавливаться у газетных киосков, дольше задерживаться возле телеграфных контор, внимательнее всматриваться в лица тех, кто возвращался из правительственных учреждений. Разговоры всё чаще начинались с одного и того же вопроса:

— Что слышно?

Ответы были разными, порой противоречивыми. Одни говорили, что в Петрограде произошла очередная смена власти, другие уверяли, что большевики надолго не удержатся, третьи предпочитали не высказываться вовсе. Никто не мог поручиться, что знает всю правду.

В небольшом доме неподалёку от Сололакского района утро начиналось, как обычно. Хозяйка дома, Мария Георгиевна, уже успела поставить на стол горячий хлеб, сыр и глиняный кувшин с молоком. В комнате пахло свежей выпечкой и древесным дымом. За окном слышались голоса торговцев, предлагавших свой товар.

Её муж, Георгий Давидович, сидел у окна и читал вчерашнюю газету. Он был человеком немногословным, работал в одной из городских контор и привык доверять документам больше, чем слухам. Однако в последние недели даже документы не давали ему прежней уверенности.

— Опять о Петрограде? — спросила Мария, поставив перед ним чашку.

— А о чём же ещё?

— Разве у нас своих забот мало?

Георгий сложил газету.

— Наши заботы теперь оттуда приходят. Только мы пока не знаем, в каком виде.

За столом сидел их сын Давид, молодой человек лет двадцати трёх. Он учился, много читал и всё чаще бывал в городе на собраниях, где обсуждали происходившие перемены. Отец не всегда одобрял его увлечения, но запрещать уже не пытался.

— Говорят, прежнее правительство больше не существует, — произнёс Давид. — В Петрограде власть перешла к большевикам.

— Говорят многое, — ответил отец. — А ты сам откуда знаешь?

— Вчера встречался с людьми из редакции. Там получили сообщения по телеграфу. Пока ещё не всё ясно, но события подтверждаются.

Мария посмотрела на сына.

— И что теперь будет?

Давид пожал плечами.

— Не знаю, мама. Думаю, никто пока не знает.

Георгий внимательно посмотрел на него.

— Вот это, пожалуй, самое правдивое, что я сегодня услышал.

Он снова развернул газету, но читать уже не стал. Его занимала мысль, которую он не хотел произносить вслух: если власть в огромной стране могла измениться за одну ночь, то что ожидало небольшой край, привыкший связывать свою судьбу с далёкой столицей?

Тифлис находился далеко от Петрограда, но расстояние не защищало его от истории. Через несколько дней новые известия стали появляться чаще. Газеты спорили между собой, политические собрания становились многолюднее, представители различных партий искали возможность договориться о будущем Закавказья.

И постепенно выяснялось, что речь идёт уже не только о том, кто будет управлять Россией. Перед жителями края вставал другой, гораздо более близкий вопрос: кто и как станет распоряжаться их собственной судьбой?

В одном из городских зданий, где собирались представители общественных и политических организаций, шли напряжённые разговоры. Люди, ещё недавно выступавшие от имени различных партий, теперь вынуждены были искать общий язык. Каждый понимал, что прежний порядок уже не вернётся в неизменном виде, но каким станет новый — никто предсказать не мог.

В Тифлисе начиналось время решений.

И пока на улицах ещё продолжали торговать виноградом, спорить о ценах и назначать встречи на завтра, за закрытыми дверями уже обсуждали будущее целого края.

Город ещё не знал, что ему предстоит стать политическим центром Закавказья. Но история уже выбрала для него эту роль.

Глава 2. Весть, которая меняла разговоры

К концу ноября Тифлис уже не мог жить прежними заботами. Политические известия проникали повсюду: в редакции газет, в торговые лавки, в офицерские собрания, в университетские аудитории и даже за семейные столы, где прежде старались не касаться подобных вопросов. Люди спорили о будущем, хотя ещё недавно многие из них с трудом представляли себе, что привычная власть может исчезнуть так быстро.

Давид всё чаще возвращался домой поздно. Он не принадлежал ни к одной из крупных политических партий, но его интересовало всё, что происходило вокруг. В редакции небольшой газеты, куда он иногда приносил заметки и переводы, ему разрешали знакомиться с поступавшими сообщениями. Работа была не постоянной, денег почти не приносила, зато давала возможность видеть события не только глазами уличных спорщиков.

Однажды вечером он вошёл в дом с таким выражением лица, что мать сразу отложила шитьё.

— Что случилось?

— Учредили Закавказский комиссариат.

Отец поднял голову от книги.

— Уже окончательно?

— Сегодня об этом говорили в редакции. Новый орган управления должен взять на себя дела края после того, как прежняя центральная власть перестала существовать.

Георгий снял очки и положил их на стол.

— Значит, всё-таки решились.

— А что им оставалось? — спросил Давид. — Ждать распоряжений из Петрограда, которых может больше не быть?

— Не всякое отсутствие распоряжений означает свободу действий, сын. Иногда оно означает, что ответственность теперь некому переложить.

Мария поставила на стол блюдо с горячей фасолью и внимательно посмотрела на мужа.

— Вы оба говорите так, словно собираетесь управлять государством. Поешьте лучше, пока не остыло.

Давид улыбнулся, но отец не поддержал улыбку.

— Твоя мать права. Государства создаются не одними разговорами. Кто будет отвечать за хлеб, дороги, безопасность? Кто станет платить жалованье служащим и содержать учреждения? Кто сумеет договориться с соседями?

— Для этого и создают комиссариат, — ответил Давид.

— Для этого его недостаточно создать. Ему ещё предстоит доказать, что он способен управлять.

В его голосе не было недоверия к новым людям. Скорее, он пытался напомнить сыну, что политические решения всегда имеют продолжение в повседневной жизни. Когда представители власти спорят о полномочиях, кто-то должен следить, чтобы в город поступала мука, чтобы работали больницы, чтобы на улицах сохранялся порядок.

На следующий день Давид отправился в редакцию раньше обычного. Там царило оживление. На столах лежали телеграммы, газетные вырезки, рукописные заметки. Сотрудники пытались разобраться в сообщениях, приходивших из разных городов Закавказья. Одни сведения подтверждались, другие требовали проверки.

Редактор, пожилой человек с аккуратно подстриженной бородой, подозвал Давида.

— Посмотри вот это. Нужно подготовить короткую заметку. Без громких слов и без преждевременных выводов.

— О комиссариате?

— О нём. Напиши, что создан новый орган управления, кто его возглавил и какие задачи ему предстоит решать. Но не изображай его спасителем края. Пока мы знаем только то, что он создан.

Давид взял лист бумаги.

— А если читатели спросят, что будет дальше?

Редактор посмотрел на него поверх очков.

— Тогда ответь честно: дальше будет зависеть от людей, которые получили власть, и от обстоятельств, в которых им придётся действовать.

В заметке Давид упомянул председателя Закавказского комиссариата Евгения Гегечкори. Имя это уже звучало в политических разговорах, но для большинства жителей города оставалось одним из многих имён, появлявшихся в газетах. Давид ещё не знал, что ему предстоит увидеть человека, чья деятельность окажется связана с важнейшими решениями ближайших месяцев.

К вечеру газета вышла из печати. На улице её раскупали охотно, хотя многие покупатели сначала перелистывали страницы в поисках других новостей. Один старик долго рассматривал заголовок, затем спросил продавца:

— Значит, теперь у нас своя власть?

— Пока комиссариат, — ответил тот. — А что будет дальше, никто не знает.

Старик сложил газету и спрятал её под полой пальто.

— Вот и я говорю. Сначала надо понять, кто теперь за что отвечает.

Он ушёл, осторожно ступая по скользкой мостовой.

А Давид, возвращаясь домой, впервые почувствовал, что политические события, о которых он писал, перестали быть для него отвлечённой темой. Они уже входили в его собственную жизнь. И однажды ему, возможно, придётся сделать выбор, от которого нельзя будет отмахнуться словами о том, что всё решают другие.

В тот вечер в доме снова говорили о будущем. Но теперь разговор был уже не о далёком Петрограде. Он был о Закавказье, о Тифлисе и о людях, которым предстояло взять на себя ответственность за край, оказавшийся перед необходимостью самостоятельно определять свою судьбу.

Глава 3. За закрытыми дверями

В редакции стало тесно. За последние дни там побывало столько людей, что редактор уже перестал удивляться незнакомым лицам. Приходили служащие, учителя, бывшие офицеры, студенты, представители общественных организаций. Одни приносили сообщения, другие искали работу, третьи просто хотели узнать, что происходит за стенами редакции, где новости появлялись раньше, чем успевали обрасти слухами.

Давид сидел за столом и разбирал письма читателей. Большинство из них были короткими. Люди спрашивали о снабжении, о положении солдат на Кавказском фронте, о том, следует ли ожидать новых распоряжений от местных властей. Некоторые письма были написаны торопливо, неровным почерком, словно авторы боялись, что не успеют изложить всё, что их тревожило.

В дверь постучали.

На пороге стоял молодой мужчина в потёртой шинели. Он снял фуражку и оглядел комнату.

— Давид?

— Ника! Вот уж кого не ожидал увидеть!

Они обнялись. Николай, которого все друзья звали Никой, был старше Давида на несколько лет. До войны они учились в одной гимназии, затем их дороги разошлись: Давид продолжил образование, а Ника поступил на военную службу. Теперь перед ним стоял человек, заметно повзрослевший за последние годы. На лице появилась усталость, а в движениях — осторожность, свойственная тем, кто привык жить среди опасности.

— Ты откуда? — спросил Давид.

— С Кавказского фронта. Вернулся несколько дней назад.

— И как там?

Ника не сразу ответил. Он положил фуражку на стол, провёл ладонью по волосам и посмотрел на стопку газет.

— По-разному. Одни хотят домой, другие не знают, куда идти. Солдаты слушают новости и говорят о мире. Но мир, как выяснилось, легче провозгласить, чем устроить.

Редактор, услышав разговор, подошёл к ним.

— Значит, вы видели всё своими глазами?

— Не всё, конечно. Но достаточно, чтобы перестать верить каждому громкому обещанию.

— А что говорят солдаты?

— Говорят о семьях. О том, что хотят вернуться к своим. Кто-то мечтает о земле, кто-то о мастерской, кто-то просто хочет проснуться утром и знать, что его больше никуда не отправят.

Редактор внимательно выслушал его.

— Вот об этом и стоило бы написать. Не о лозунгах, а о людях.

Ника усмехнулся.

— Написать можно. Только не уверен, что кому-нибудь интересно читать о людях, которые устали.

— Если людям перестанет быть интересно читать о людях, — ответил редактор, — тогда газеты действительно потеряют смысл.

Давид предложил другу пройти в соседнюю комнату. Там было немного тише. Они уселись у окна, выходившего во внутренний двор, и некоторое время молчали. С улицы доносился стук колёс, чей-то громкий смех, оклик торговца.

— Ты надолго вернулся? — спросил Давид.

— Пока не знаю. Мне нужно найти работу. И понять, что происходит здесь. На фронте всё было проще, хотя жизнь там, конечно, простой не назовёшь. Был приказ, была служба, были товарищи. Теперь каждый говорит о будущем, но никто не может объяснить, каким оно будет.

— Здесь то же самое.

— Значит, я попал домой вовремя.

Давид улыбнулся.

— Если считать вовремя возвращение в город, который сам не знает, куда направляется, то да.

Ника посмотрел на него серьёзно.

— А ты? Ты ведь всё это время пишешь о политике. Неужели не думаешь, что скоро придётся выбирать сторону?

— Думаю. Но пока не понимаю, что именно означает этот выбор.

— Хорошо, что хотя бы не притворяешься, будто знаешь ответ.

В тот день они долго говорили. Ника рассказывал о солдатских настроениях, о разорённых дорогах, о людях, которые возвращались домой небольшими группами. Давид делился тем, что слышал в редакции. Постепенно разговор перешёл к Тифлису, к его будущему, к тому, каким станет край, если прежние связи с Россией окончательно ослабнут.

— Знаешь, — сказал Ника, — я всегда думал, что родина — это место, куда можно вернуться. А теперь впервые задумался: а что, если вернуться будет некуда?

Давид не нашёлся с ответом.

За окном медленно темнело. В редакции зажгли лампу, и на столах снова зашуршали бумаги. Кто-то принёс свежие известия, кто-то потребовал срочно напечатать объявление. Обычная работа продолжалась, хотя каждый понимал, что прежней обычной жизни уже не будет.

Вечером Давид и Ника вышли на улицу вместе. Они прошли несколько кварталов, остановились возле небольшой кофейни, где за столиками сидели люди и обсуждали последние события. Из открытой двери доносились голоса. Кто-то спорил о полномочиях нового комиссариата, кто-то говорил о необходимости созвать представителей разных народов Закавказья, кто-то с уверенностью утверждал, что всё скоро разрешится.

Ника прислушался и покачал головой.

— Все знают, как надо управлять страной. Только попробуй спросить каждого, что он готов сделать сам.

— Может быть, именно поэтому и трудно договориться, — ответил Давид.

Они двинулись дальше. Впереди зажигались огни вечернего города. Тифлис оставался прежним в своих очертаниях, но уже не был прежним в ожиданиях.

А за стенами правительственных учреждений продолжалась работа, о которой большинство жителей знало лишь по газетным сообщениям. Новому комиссариату предстояло не только заявить о своих полномочиях, но и показать, что он способен удержать управление краем в обстоятельствах, когда прежняя государственная система распадалась.

Имена людей, которым предстояло нести эту ответственность, постепенно становились известны всё большему числу жителей.

Среди них было имя Евгения Гегечкори.

Пока для Давида это было имя из газетной строки. Но очень скоро ему предстояло понять, что за каждой такой строкой стоит не только должность, но и человек, которому история не оставила возможности уклониться от выбора.

Глава 4. Человек за газетной строкой

В начале декабря Тифлис жил ожиданием новостей. В городе уже привыкли к тому, что вчерашние сообщения сегодня могли потерять силу, а уверенные заявления политиков на следующий день уступали место новым решениям. Люди постепенно осознавали: прежняя система управления Закавказьем больше не действует, а новая ещё только учится существовать.

В редакции, где работал Давид, разговоры о политике стали почти непрерывными. Редактор требовал точности, запрещал печатать неподтверждённые сведения и особенно сердился, когда авторы заметок пытались заменить факты громкими выражениями.

— Газета не должна становиться продолжением митинга, — повторял он. — На митинге человек может кричать. В газете он обязан отвечать за каждое слово.

В тот день Давид готовил материал о Закавказском комиссариате. На его столе лежали несколько газет, записи бесед и лист с перечнем новых назначений. Он уже знал, что председателем комиссариата стал Евгений Гегечкори, но хотел понять, каким человеком был тот, кому поручили руководить новым органом власти.

— Ты опять собираешься написать биографию? — спросил редактор, заглянув в рукопись.

— Нет. Хочу объяснить читателям, почему именно ему поручили эту работу.

— Тогда начни не с похвал и не с перечисления должностей. Начни с самой задачи. А о человеке напиши столько, сколько сможешь подтвердить.

Давид кивнул.

Имя Гегечкори уже было известно политическим кругам. Он принадлежал к числу грузинских социал-демократов, участвовал в общественной и государственной деятельности, обладал опытом парламентской работы. Теперь ему предстояло возглавить комиссариат, который должен был обеспечить управление Закавказьем в условиях распада прежней центральной власти.

Давид записал несколько строк, затем остановился. Ему казалось, что сухое изложение не передаёт главного. За должностью стоял человек, которому предстояло принимать решения, последствия которых могли коснуться миллионов людей.

— Не пытайся угадать его мысли, — сказал редактор, заметив замешательство молодого сотрудника. — Мы не знаем, о чём он думает. Но можем показать, перед какими обстоятельствами он оказался.

Давид перечитал написанное и согласился.

В тот же день ему поручили доставить пакет в одно из зданий, где проходили встречи представителей комиссариата. Ничего необычного в таком поручении не было: редакция обменивалась материалами с учреждениями, получала официальные сообщения и направляла запросы.

У входа стояли двое служащих. Внутри слышались голоса, шаги и негромкий стук дверей. Давид передал пакет дежурному и уже собирался уходить, когда в коридоре появился человек с несколькими бумагами в руках.

Он был одет просто, держался уверенно, но без заметной внешней торжественности. Сопровождавший его служащий что-то объяснял, указывая на документы. Человек выслушал его, задал короткий вопрос и, получив ответ, направился к соседней комнате.

Давид узнал его по газетным фотографиям.

Это был Евгений Гегечкори.

Молодой журналист невольно задержал взгляд. Гегечкори заметил его и остановился.

— Вы из редакции?

— Да. Принёс материалы для секретариата.

— Тогда передайте своим коллегам: официальные сообщения следует публиковать полностью, без сокращений, меняющих смысл. Сейчас особенно важно, чтобы люди получали точные сведения.

— Постараемся, господин Гегечкори.

Тот коротко кивнул и продолжил путь.

Встреча длилась не больше минуты. Но Давид запомнил её именно потому, что она не была похожа на торжественную аудиенцию. Перед ним не выступали с речью, не произносили обещаний. Человек, на которого возложили ответственность за новый орган управления, спешил к очередному совещанию и требовал от газет точности.

Возвращаясь в редакцию, Давид думал о том, насколько трудно будет этому учреждению справиться с задачами, которые на него возложили. Власть была нужна не только для того, чтобы издавать распоряжения. Ей предстояло обеспечивать работу транспорта, снабжение городов, безопасность, отношения между различными политическими силами и народами Закавказья.

Вечером Ника зашёл к нему домой. Он уже нашёл временную работу и теперь помогал знакомому содержать небольшую мастерскую. Денег было немного, зато появилось занятие, которое возвращало ему ощущение обычной жизни.

— Ты сегодня видел кого-нибудь из больших начальников? — спросил он, заметив бумаги на столе.

— Гегечкори.

— И какой он?

Давид задумался.

— Не знаю. Видел всего минуту. Но он торопился и говорил о точности официальных сообщений.

Ника рассмеялся.

— Значит, у вас в редакции появился новый покровитель.

— Не шути. Ему сейчас не до покровительства. На комиссариат возложили слишком много обязанностей.

— А ты думаешь, они справятся?

Давид посмотрел на друга.

— Пока не знаю. Но мне кажется, сейчас важнее понять, что именно они собираются делать.

Ника сел напротив.

— На фронте мы тоже часто ждали приказов. Иногда они приходили вовремя, иногда запаздывали. А бывало, что никто уже не понимал, кто имеет право их отдавать.

— Здесь может случиться то же самое, — тихо сказал Давид.

Они замолчали.

За окном проходили люди, где-то играла музыка, на соседней улице спорили торговцы. Город жил, не подозревая, насколько хрупким стало равновесие, на котором держалась его повседневность.

А в одном из правительственных зданий продолжалось совещание. На столах лежали документы, карты и сообщения из разных уголков Закавказья. Новая власть должна была научиться действовать быстро, но не могла позволить себе принимать решения вслепую.

Гегечкори предстояло руководить этой сложной работой. И чем дальше разворачивались события, тем яснее становилось: создание комиссариата было лишь первым шагом. Впереди находились вопросы, на которые невозможно было ответить одним постановлением.

История не ждала, пока люди привыкнут к новым обстоятельствам.

Глава 5. Между ожиданием и решением

К декабрю 1917 года Тифлис всё заметнее становился центром политической жизни Закавказья. Сюда стекались известия из разных городов, сюда приезжали представители партий, общественных организаций и военных учреждений. В гостиницах и частных домах обсуждали будущее края, в редакциях спорили о формулировках, а в правительственных зданиях почти ежедневно проходили совещания.

Но за всем этим движением скрывалась одна трудность: люди уже понимали, что прежний порядок разрушен, однако ещё не договорились, каким должен стать новый.

Давид всё чаще задерживался в редакции. Иногда он возвращался домой за полночь, когда мать уже оставляла на столе накрытую тарелку, а отец, несмотря на усталость, ждал его в комнате.

В тот вечер Георгий Давидович не спал. Перед ним лежали несколько счетов и служебных бумаг.

— Ты опять поздно.

— Сегодня пришли сообщения из Баку и Елизаветполя. Редактор попросил сверить их с телеграфными сводками.

— И что нового?

Давид снял пальто.

— Ничего, что могло бы успокоить людей. В разных местах по-разному понимают происходящее. Одни поддерживают новые органы власти, другие не хотят им подчиняться. Все ждут, кто первым предложит решение.

Отец отложил бумаги.

— А ты сам чего ждёшь?

— Чтобы кто-нибудь наконец объяснил, что будет дальше.

— Такого объяснения не будет, сын. По крайней мере, сразу. Иногда людям приходится жить в неопределённости, пока те, кто принимает решения, сами пытаются разобраться в положении.

Мария выглянула из кухни.

— Вы опять о политике? Давайте хоть ночью оставим её за дверью.

Георгий улыбнулся.

— Хорошо, Мария Георгиевна. Сегодня ночью мы будем говорить исключительно о хозяйстве.

— Вот и прекрасно. А хозяйство, между прочим, само себя не накормит.

За столом Давид рассказал о своей встрече с Гегечкори. Отец слушал внимательно, но особого удивления не выразил.

— Я слышал о нём и раньше, — сказал он. — Человек давно занимается политической работой. Теперь ему предстоит показать, как его взгляды соотносятся с практическими обязанностями.

— Редактор говорит примерно то же самое.

— Потому что это и есть главный вопрос. Политическая деятельность и государственное управление — не одно и то же. Первое требует убеждений, второе — ещё и умения отвечать за последствия.

Давид задумался. Он привык видеть в газетах политиков, выступавших с речами и заявлениями. Теперь же всё чаще представлял их за рабочими столами, среди документов, телеграмм и просьб людей, которым было совершенно безразлично, к какой партии принадлежит чиновник, если в доме не хватает хлеба.

На следующий день в редакцию пришёл Ника. Он принёс письмо от своего бывшего сослуживца, вернувшегося с фронта и теперь искавшего работу в городе.

— Посмотри, может, кому-нибудь нужен человек, умеющий обращаться с лошадьми и ремонтировать упряжь.

Давид прочитал письмо.

— Попробую передать знакомым.

— Спасибо. А у вас что нового?

— Готовим материал о положении в Закавказье. Скоро соберутся представители политических сил, чтобы обсудить дальнейшее устройство края.

Ника присел на край стола.

— И что они решат?

— Пока неизвестно.

— Ты часто говоришь эти слова.

— Потому что они пока соответствуют действительности.

Ника рассмеялся.

— Тогда напиши их крупными буквами на первой полосе. Будет самая честная газета в городе.

Редактор, услышав последние слова, выглянул из соседней комнаты.

— Не подсказывайте ему, молодой человек. Он и без вас способен написать что-нибудь, от чего у нас потом будет бессонная ночь.

Оба рассмеялись.

Но весёлое настроение быстро сменилось рабочей сосредоточенностью. На стол редактора принесли новые документы. В них говорилось о предстоящих политических переговорах и необходимости согласовать позиции различных сил Закавказья.

Редактор пробежал глазами текст и нахмурился.

— Вот теперь начинается самое трудное.

— Почему? — спросил Давид.

— Потому что пока каждый мог говорить от имени своей партии. Теперь придётся договариваться от имени целого края.

Он положил бумаги на стол и некоторое время смотрел в окно.

— А это совсем другая ответственность.

Редактор вернулся к рукописи, но Давид заметил, что мысли его уже заняты другим.

— Вы думаете, договориться будет трудно?

— Думаю, гораздо труднее будет выполнить то, о чём договорятся.

Он взял карандаш и подчеркнул несколько строк в документе.

— Закавказье слишком разнообразно. У каждого народа своя история, свои интересы, свои опасения. И всё же жить рядом придётся. Нельзя построить будущее, не научившись считаться друг с другом.

Давид посмотрел на редактора.

— Значит, вопрос уже не только в том, кто будет управлять?

— Именно. Вопрос в том, сумеют ли люди договориться о самом принципе совместной жизни.

Вечером Давид отправился домой пешком. Он любил этот путь: улицы постепенно затихали, окна домов загорались тёплым светом, а город приобретал совсем другое выражение. Днём Тифлис спорил, торговался, торопился и сердился. Вечером он словно вспоминал, что состоит не из партий и учреждений, а из тысяч отдельных человеческих жизней.

У небольшой кофейни Давид увидел Нику. Тот сидел за столиком с незнакомым мужчиной лет тридцати пяти. Перед ними стояли две чашки кофе и тарелка с хлебом и сыром.

— Давид! Иди сюда!

Мужчина поднялся.

— Познакомься. Это мой знакомый, Ираклий. Он служил в армии, а теперь занимается железнодорожными перевозками.

Они обменялись рукопожатиями.

Ираклий оказался разговорчивым человеком. Он рассказал, что последние недели провёл в разъездах и видел, как меняется настроение людей в разных городах.

— Все хотят одного и того же, — говорил он. — Чтобы поезда ходили, чтобы товары доставляли вовремя, чтобы солдаты не бросали оружие где попало, а служащие получали жалованье. Но стоит заговорить о том, кто должен за всё это отвечать, как начинается спор.

— Значит, политические разногласия уже мешают обычной работе? — спросил Давид.

— Иногда мешают, иногда ещё нет. Но люди чувствуют, что всё может измениться в любой момент. А когда человек не знает, что будет завтра, он старается думать прежде всего о собственной безопасности.

Ника покрутил чашку в руках.

— Я вот тоже думал, что после возвращения с фронта смогу спокойно заняться своим делом. А теперь каждый день слышу новые разговоры. Порой кажется, что война закончилась только на бумаге, а в человеческой жизни продолжается.

Ираклий посмотрел на него.

— Может быть, потому, что люди ещё не успели вернуться к мирной жизни.

Давид слушал их и вдруг понял, что в редакции слишком часто говорят о государстве как о чём-то отдельном от людей. Между тем государство существовало именно в их повседневной жизни: в дороге, по которой ехал поезд, в хлебе, который покупала мать, в жалованье, которого ждал отец, в письме солдата, не знавшего, куда ему возвращаться.

Когда они расстались, Давид ещё некоторое время шёл по вечернему городу. У перекрёстка он остановился, чтобы пропустить экипаж. Возница негромко бранился на лошадь, двое прохожих обсуждали цены на муку, из открытого окна доносилась музыка.

Всё было знакомо. И всё же он чувствовал, что привычный мир постепенно отдаляется, словно знакомый берег, от которого уже отчалил корабль.

Дома отец снова сидел у окна.

— Сегодня видел Нику? — спросил он.

— Да. Он познакомил меня с человеком, который занимается железной дорогой.

— Полезное знакомство. Сейчас транспорт важнее многих громких речей.

Давид снял пальто и сел напротив.

— Отец, а ты веришь, что Закавказье сможет самостоятельно устроить свою жизнь?

Георгий Давидович долго не отвечал.

— Я верю, что люди должны иметь возможность самим решать свою судьбу. Но самостоятельность — это не только право принимать решения. Это ещё и обязанность отвечать за них.

— А если не получится?

— Тогда придётся искать другой путь. История редко предлагает людям готовые решения.

Он поднялся, подошёл к книжному шкафу и вынул старую фотографию. На ней был изображён его отец, ещё молодой, в форме железнодорожного служащего.

— Вот твой дед. Он всю жизнь проработал на дороге. Говорил, что поезд не спрашивает, кто прав в споре. Ему нужны исправные рельсы, паровоз и люди, которые знают своё дело.

Давид улыбнулся.

— Хорошая политическая программа.

— Для железной дороги вполне достаточная.

Они рассмеялись.

А далеко от этого дома, в помещениях, где собирались представители политических организаций, продолжалась подготовка к новым решениям. Впереди были переговоры, споры и

непростые компромиссы. Закавказье постепенно двигалось к созданию собственного представительного органа.

Для одних это означало надежду на самостоятельное устройство края, для других — необходимость искать новые формы политического сотрудничества. Но почти все понимали: прежняя жизнь закончилась, а новая ещё не обрела окончательных очертаний.

Тифлис ждал. И в этом ожидании было всё: тревога, любопытство, осторожная надежда и страх перед неизвестностью.

Глава 6. Перед дорогой к неизвестности

Декабрь в Тифлисе выдался холодным. По утрам над Курой стелился лёгкий туман, на крышах старых домов оседала сырость, а в узких переулках ветер разгонял опавшие листья. Город постепенно привыкал к новой политической обстановке, хотя привыкание это было скорее внешним. За спокойными фасадами домов продолжались споры, менялись планы, возникали новые союзы и разногласия.

В редакции Давид получил задание подготовить материал о положении на Кавказском фронте. Сообщения приходили тревожные. После долгих лет войны армия теряла прежнюю организацию, солдаты стремились домой, а воинские части всё чаще принимали решения самостоятельно. Перемирие, заключённое в Эрзинджане в декабре 1917 года между османской стороной и представителями Кавказского фронта, давало надежду на прекращение боевых действий, но не означало, что все проблемы исчезнут.

Редактор положил перед Давидом несколько телеграмм.

— Здесь нужно быть особенно осторожным. Не называй это окончательным миром. Перемирие — ещё не мирный договор.

— Понимаю.

— И не пиши так, будто теперь всем можно спокойно разойтись по домам. Война оставила слишком много нерешённых вопросов.

Давид просмотрел документы.

— Но ведь солдаты действительно возвращаются.

— Да. Только представь, что будет, если каждый начнёт возвращаться без порядка, без снабжения и без понимания, кому он теперь подчиняется.

В этот момент в редакцию вошёл Ника. Он был необычно серьёзен.

— Давид, можно тебя на минуту?

Они вышли в коридор.

— Мне предложили работу на железной дороге, — сказал Ника. — Пока временную, но, возможно, постоянную.

— Это же прекрасно!

— Не знаю. Придётся ездить между станциями. А там теперь всякое случается. То состав задерживают, то документы не совпадают, то люди требуют пропустить их вне очереди.

— И ты собираешься отказаться?

— Нет. Мне нужна работа. Да и сидеть без дела я больше не могу.

Давид пожал ему руку.

— Тогда соглашайся. Может быть, именно такие люди сейчас нужнее всего.

Ника усмехнулся.

— Вот и я так думаю. Пока политики решают судьбу Закавказья, кто-то должен следить, чтобы поезда хотя бы ходили по расписанию.

Вечером Давид встретился с ним на вокзале. Ника уже получил первые распоряжения и собирался утром отправиться в сторону Гянджи. На платформе стояли пассажиры, носильщики перекатывали тележки, служащие проверяли документы. Возле одного из вагонов спорили двое мужчин, не поделившие место для багажа.

— Вот тебе и новая эпоха, — сказал Ника, наблюдая за происходящим. — Люди ещё не знают, какое государство будет завтра, а чемоданы уже не помещаются в вагон.

— Чемоданы, по крайней мере, не участвуют в политических спорах.

— Не уверен. Некоторые из них, кажется, уже имеют собственные убеждения.

Они рассмеялись.

Ника стал серьёзнее.

— Давид, ты ведь будешь писать обо всём этом?

— Постараюсь.

— Тогда запомни одну вещь. На железной дороге я встречал людей, которые возвращались с фронта. Они не рассуждали о великих исторических задачах. Один хотел увидеть дочь, другой — найти пропавшего брата, третий мечтал снова открыть мастерскую. Не забывай о них, когда будешь писать о политиках.

Давид посмотрел на друга.

— Не забуду.

Поезд подали к платформе. Ника поднялся в вагон, нашёл свободное место у окна и помахал рукой. Когда состав тронулся, Давид ещё долго стоял на платформе, наблюдая, как красные огоньки последнего вагона постепенно исчезают за поворотом.

Он подумал о том, что железная дорога связывает города и людей, но в неспокойные времена может стать и дорогой расставаний.

На следующий день в редакцию пришло официальное сообщение о предстоящих политических консультациях представителей Закавказья. Обсуждались вопросы дальнейшего управления краем, отношения с центральными учреждениями, положение армии и возможность созыва представительного органа.

Редактор прочитал документ и позвал Давида.

— Кажется, мы подходим к следующему этапу.

— К какому?

— К тому, когда разговоры о самостоятельном управлении должны будут получить политическую форму.

Давид сел за стол.

— Значит, впереди новые переговоры?

— И новые трудности. Не забывай: у каждого участника этих переговоров есть собственное представление о будущем. Договориться будет непросто.

Он ненадолго задумался, затем добавил:

— Но если люди перестанут разговаривать друг с другом, тогда останется только сила. А это всегда самый тяжёлый путь.

Давид взял чистый лист бумаги и написал заголовок будущей статьи:

«Закавказье перед выбором».

Он посмотрел на эти слова и вдруг почувствовал, что они относятся не только к политикам, собравшимся обсуждать судьбу края. Они относились ко всем — к его отцу, к матери, к Нике, к Ираклию, к людям, которых он видел каждый день на улицах города.

Каждый из них по-своему стоял перед выбором, хотя далеко не все отдавали себе в этом отчёт.

А за окнами редакции Тифлис продолжал жить своей обычной жизнью. На базарах торговали, в мастерских работали, в домах готовили ужин. Где-то спорили о будущем республики, где-то обсуждали предстоящую свадьбу, а кто-то просто ждал письма от близкого человека.

История ещё не сказала своего последнего слова. И, пожалуй, никто в городе пока не мог представить, сколько испытаний скрывалось за этим ожиданием.

Глава 7. Люди и тревожные новости

К концу декабря Тифлис словно научился жить в двух разных измерениях. В одном продолжалась привычная жизнь: открывались лавки, работали мастерские, по утрам на улицах появлялись торговцы, из дворов доносились голоса детей. В другом, невидимом, всё время что-то менялось. Газеты приносили новые известия, в учреждениях обсуждали решения, о которых ещё вчера никто не помышлял, а люди всё чаще задавали друг другу один и тот же вопрос: что будет дальше?

Давид замечал, что даже обычные разговоры приобрели особый оттенок. Прежде посетитель редакции мог спорить с газетчиком о цене бумаги, ругать городские власти или жаловаться на задержку жалованья. Теперь же почти каждый разговор рано или поздно сворачивал к политике.

В тот день редактор поручил ему подготовить небольшую заметку о положении на железной дороге. Сообщения о движении поездов приходили противоречивые: где-то не хватало топлива, где-то задерживались составы, а на отдельных участках возникали трудности с охраной и снабжением.

— Не надо писать, что железная дорога остановилась, — предупредил редактор, просматривая принесённые Давидом записи. — Она не остановилась. Но работает уже не так, как прежде. Это разные вещи.

— Значит, написать, что положение осложнилось?

— Напиши, что положение осложнилось. И объясни почему, если знаешь. Газета должна помогать человеку понимать происходящее, а не пугать его.

Давид кивнул. Он всё чаще убеждался, что работа журналиста требует не только умения красиво складывать слова, но и способности вовремя остановиться.

Вечером он встретил Нику возле станции. Тот стоял у служебного входа, разговаривая с пожилым железнодорожником. На нём была потёртая шинель, воротник поднят от ветра, а в руках он держал небольшой свёрток.

— Ты теперь здесь постоянно? — спросил Давид, когда Ника закончил разговор.

— Пока не знаю, что значит постоянно. Сегодня здесь, завтра могут отправить на другой участок. Но работа есть, и это уже немало.

Они прошли вдоль путей. На соседнем пути стоял товарный состав. Несколько рабочих проверяли крепления вагонов, неподалёку машинист беседовал с помощником. Всё выглядело привычно, если не прислушиваться к разговорам.

— Говорят, на фронте опять неспокойно, — произнёс Давид.

— На фронте давно неспокойно. Просто теперь об этом говорят чаще.

— А ты сам хотел бы вернуться к прежней жизни?

Ника усмехнулся.

— К какой именно? К той, где я не знал, вернусь ли домой? Или к той, где каждый день приходилось выбирать, кому верить? Нет, Давид. Я хочу жить так, чтобы утром знать, куда иду, а вечером — куда возвращаюсь.

Он произнёс это без жалобы, почти буднично. Но Давид понял, что за простыми словами скрывалось гораздо больше, чем за многими громкими речами, которые он слышал в редакции.

— И всё-таки, — продолжил Ника, — людям нужна власть. Не для того, чтобы портреты в кабинетах менять. Нужно, чтобы поезда ходили, хлеб привозили, больницы работали. А кто будет этим заниматься — пусть докажет делом.

— Ты рассуждаешь как мой отец.

— Значит, твой отец умный человек.

Они засмеялись.

На обратном пути Давид зашёл домой. За столом сидели родители. Отец читал газету, мать перебирала счета за продукты.

— Опять задержка с поставками? — спросил Георгий Давидович, заметив сына.

— На некоторых направлениях. Железнодорожники стараются поддерживать движение, но трудностей становится больше.

— Страна большая, а дороги длинные, — сказал отец. — Пока всё держалось на прежнем порядке, многим казалось, что так будет всегда. Теперь выясняется, сколько людей и учреждений связывали между собой разные части государства.

Мария Георгиевна поставила на стол тарелку.

— А людям всё равно надо есть каждый день, — заметила она. — И детям надо учиться. И больным надо получать лекарства. Политики могут спорить сколько угодно, но кто-то должен помнить и об этом.

Георгий Давидович сложил газету.

— Ты права. Только теперь эти простые дела стали зависеть от решений, которые принимают далеко не в нашем доме.

Давид посмотрел на родителей. Ему показалось, что отец впервые за долгое время говорил не как человек, привыкший объяснять сыну устройство мира, а как человек, который сам не знает, каким этот мир станет завтра.

После ужина он вернулся к своим записям. На столе лежала газетная вырезка о заседаниях представителей Закавказья. В заметке упоминались переговоры, вопросы управления и необходимость согласовать интересы разных народов края.

Давид долго смотрел на листок. За сухими формулировками стояли люди, которым предстояло принимать решения. У каждого были свои убеждения, свои опасения и собственное представление о будущем. Но за ними находились тысячи других людей, которые не участвовали в заседаниях и всё же должны были жить с последствиями принятых решений.

Он взял перо и написал первую строку:

«Будущее Закавказья сегодня определяется не только политическими заявлениями, но и тем, удастся ли сохранить единство повседневной жизни его народов».

Перечитал и зачеркнул слово «единство». Оно казалось слишком громким и пока ничем не подтверждённым.

Написал заново:

«Будущее Закавказья сегодня зависит от того, удастся ли его представителям договориться о совместной ответственности за судьбу края».

На этот раз он оставил фразу.

За окном медленно гасли огни. Тифлис жил, спорил, торговал, любил и тревожился. Никто не знал, каким окажется следующий год. Но всё больше людей понимали: прежняя жизнь уже не вернётся в точности такой, какой они её помнили.

Глава 8. На пороге нового года

Новый, 1918 год Тифлис встретил без прежней беспечности. В домах всё ещё накрывали праздничные столы, дети ждали подарков, а соседи заходили друг к другу с поздравлениями. Но за каждым пожеланием здоровья и благополучия теперь скрывалось нечто большее — надежда, что наступающий год не принесёт новых бед.

В доме Давида праздник был скромным. Мария Георгиевна приготовила несколько любимых блюд, отец достал бутылку вина, которую берег для особого случая. За столом собрались близкие родственники, среди них тётушка Елена, приехавшая из старого района города.

— Говорят, теперь всё будет по-новому, — сказала она, поправляя салфетку. — Даже не знаю, радоваться этому или бояться.

— Новое само по себе не бывает ни хорошим, ни плохим, — ответил Георгий Давидович. — Важно, кто и как им распорядится.

— Вот ты всегда так говоришь, — улыбнулась сестра. — А я хочу, чтобы просто был мир.

— Это желание я разделяю. Но мир тоже требует усилий.

Давид слушал разговор и думал о том, как по-разному люди воспринимают происходящее. Для одних перемены означали возможность начать всё сначала. Для других они были угрозой привычному укладу, положению, собственности, а иногда и самой жизни. И всё же почти никто не мог остаться в стороне.

На следующий день Давид отправился в редакцию. Там уже лежали свежие сообщения из разных городов Закавказья. В одних говорилось о переговорах и политических консультациях, в других — о трудностях с продовольствием и возвращением воинских частей. Редактор просмотрел бумаги и подозвал Давида.

— Нам нужно подготовить материал о предстоящих переменах в управлении краем.

— Уже известно, какое решение будет принято?

— Нет. Именно поэтому не надо изображать, будто оно уже принято. Напиши о том, что обсуждается, и о том, почему людям важно понимать происходящее.

Давид сел за стол. Он знал, что в ближайшие месяцы Закавказью предстоит пройти через непростой период. После распада прежней власти старые механизмы управления теряли силу, а новые ещё только создавались. Требовалось определить, кто будет отвечать за безопасность, снабжение, транспорт, отношения с соседями и множество других вопросов.

В редакцию вошёл незнакомый мужчина лет сорока пяти. Он был одет аккуратно, но выглядел уставшим. В руках держал сложенную газету.

— Мне сказали, что здесь можно поговорить с человеком, который пишет о железной дороге.

Редактор указал на Давида.

— Вот наш сотрудник.

Мужчина представился Михаилом, служащим одной из железнодорожных контор. Он рассказал, что на участке, где работал его брат, задерживали выплаты, а семьи железнодорожников не знали, на что рассчитывать в ближайшее время.

— Мы не просим особых условий, — сказал он. — Только чтобы люди понимали, кому теперь обращаться. Раньше было ясно, какое управление отвечает за участок. Теперь каждый ссылается на другого.

Давид записывал, стараясь не перебивать.

— Вы хотите, чтобы мы опубликовали ваше обращение?

— Я хочу, чтобы об этом узнали. Может быть, кто-нибудь из тех, кто сейчас принимает решения, вспомнит, что железная дорога — это не только вагоны и расписания. Там работают люди. У них есть дети, жёны, старые родители.

Когда посетитель ушёл, редактор некоторое время молчал.

— Вот тебе и материал, — сказал он наконец. — Только не превращай его в жалобу одного человека. Попробуй показать, почему вопрос касается всего края.

— Понимаю.

— И ещё, Давид. Не обещай читателю того, чего никто не может обещать.

Эти слова он запомнил.

В тот же день на улице он встретил Нику. Тот возвращался после смены и нёс под мышкой небольшой пакет.

— Успел до праздников? — спросил Давид.

— Успел. Теперь посмотрим, что принесёт январь.

Они остановились возле кофейни. Внутри было многолюдно, и мужчины решили пройти дальше, к тихому переулку.

— Ты слышал, что обсуждают создание нового органа управления? — спросил Давид.

— Слышал. Только мне пока неважно, как он будет называться.

— А что важно?

— Чтобы там понимали: Закавказье — не только Тифлис и несколько кабинетов. Здесь разные народы, разные города, разные интересы. Если они не смогут договориться, обычным людям придётся расплачиваться за их споры.

Давид посмотрел на друга.

— Ты всё чаще говоришь как политик.

— Не дай бог, — засмеялся Ника. — Мне бы с железной дорогой разобраться.

Они расстались у перекрёстка. Давид направился домой, а Ника пошёл к станции.

Вечером отец позвал сына в кабинет. На письменном столе лежали несколько газет, рядом — старый блокнот с записями.

— Ты много пишешь о происходящем, — сказал Георгий Давидович. — Но подумай вот о чём: когда прежняя власть исчезает, это ещё не означает, что новая уже появилась. Между этими двумя событиями может пройти немало времени. И именно в этот промежуток люди особенно уязвимы.

— Значит, самое опасное — безвластие?

— Иногда опаснее всего не отсутствие власти, а отсутствие ответственности. Власть может называться как угодно. Но если человек, принимающий решение, не отвечает за его последствия, название ничего не стоит.

Давид сел напротив.

— Ты думаешь, Закавказье сможет устроить собственную жизнь?

Отец не ответил сразу. Он подошёл к окну, посмотрел на вечерний город.

— Я думаю, у него есть такая возможность. Но возможность и готовность — не одно и то же. Здесь живут народы с разными интересами, за плечами у каждого своя история. Чтобы создать общее будущее, недостаточно одного желания. Нужны терпение, умение слышать друг друга и готовность идти на уступки.

— А если не получится?

— Тогда история найдёт другой путь. Только не всегда тот, который люди выбирают сами.

В комнате стало тихо. Давид открыл блокнот и записал слова отца. Не потому, что собирался сразу использовать их в статье. Ему хотелось сохранить их для себя.

В январе 1918 года Закавказье вступало в полосу новых политических решений. Представители разных народов и партий готовились обсуждать устройство власти, отношения с соседями и дальнейшую судьбу края. Впереди были заседания, переговоры, трудные компромиссы и споры, в которых ещё не раз столкнутся убеждения и обстоятельства.

А в Тифлисе люди продолжали ходить на работу, ждать поездов, покупать хлеб и писать письма родным. Они не знали, что совсем скоро их повседневная жизнь окажется связана с решениями, которые будут приниматься уже не от имени далёкой столицы, а здесь, в самом Закавказье.

И потому новый год начинался не с уверенности, а с ожидания.

Глава 9. Когда старый порядок перестал существовать

Январь 1918 года принёс в Тифлис не столько перемены, сколько осознание того, что перемены уже невозможно остановить.

Город привык к тревожным новостям. Люди научились различать сообщения, заслуживавшие доверия, и слухи, которые к вечеру обрастали невероятными подробностями. В редакциях газет спорили о формулировках, в учреждениях обсуждали полномочия, а на улицах всё чаще можно было услышать разговоры о том, кто теперь вправе принимать решения от имени Закавказья.

Давид замечал, что слово «самостоятельность» стало звучать чаще. Одни произносили его с надеждой, другие — с опаской. Но почти никто не мог объяснить, какой именно должна стать эта самостоятельность и на чём она будет основана.

В редакцию однажды утром пришёл Ника. Он выглядел непривычно озабоченным.

— Есть новости? — спросил Давид, отодвигая бумаги.

— Есть. На станции говорят, что возвращающиеся с фронта солдаты всё чаще отказываются подчиняться прежним распоряжениям. Некоторые части вообще не понимают, кому теперь должны служить.

— Это подтверждённые сведения?

— Не все. Но я сам видел, как на платформе вчера спорили два офицера. Один требовал отправить состав по старому расписанию, другой говорил, что распоряжение уже отменено. В итоге поезд простоял почти три часа.

Давид усмехнулся:

— Значит, история задержала поезд.

— История может задерживать сколько угодно. Только пассажиры почему-то не хотят этого понимать.

Ника сел напротив и снял фуражку.

— Знаешь, что меня больше всего беспокоит? Люди перестают понимать, кому доверять. А когда это начинается, никакая железная дорога не спасёт.

Давид записал его слова, но не стал обещать, что они появятся в газете. Он уже научился отделять личное впечатление от сообщения, которое можно проверить.

В тот день редактор принёс в кабинет несколько документов.

— Закавказье готовится к новому представительному устройству, — сказал он. — После распада прежних государственных механизмов необходимо создать орган, который сможет выражать интересы края. Обсуждается созыв сейма.

— Значит, будет собственный парламент?

— Пока не торопись с определениями. Это будет представительный орган Закавказья, но его устройство и полномочия ещё предстоит определить.

— А кто войдёт в него?

— Представители политических партий и национальных сил, избранные ранее в Учредительное собрание. Но не думай, что это простое собрание единомышленников. Там будут люди с разными взглядами и разными представлениями о будущем.

Давид посмотрел на документы.

— И они должны договориться?

— Именно. Только договориться о судьбе целого края гораздо труднее, чем написать об этом красивую статью.

Вечером Давид рассказал обо всём отцу.

Георгий Давидович выслушал сына, не перебивая.

— Представительный орган — это уже серьёзный шаг, — произнёс он. — Но парламент не возникает только потому, что люди собрались в одном помещении. Он становится настоящим институтом тогда, когда его решения признают и исполняют.

— Ты думаешь, у них получится?

— Я думаю, им придётся попробовать. Другого разумного пути пока не видно.

Мария Георгиевна, сидевшая у окна с рукоделием, подняла голову.

— А если они не договорятся?

— Тогда нам всем придётся жить с последствиями, — ответил муж.

Она ничего не сказала. Только отложила работу и посмотрела на сына.

— Давид, ты ведь понимаешь, что за всеми этими разговорами есть люди? Не забывай о них, когда пишешь.

Он улыбнулся:

— Не забываю, мама.

На следующий день он отправился к железнодорожным мастерским. Там его ждал Михаил, тот самый служащий, который приходил в редакцию с рассказом о задержках выплат.

На этот раз Михаил был не один. Рядом с ним стоял пожилой рабочий с седыми усами и молодой парень в слишком большой для него шинели.

— Это мой брат Александр, — представил Михаил. — Вернулся с фронта. А это Григорий Петрович, он здесь всю жизнь работает.

Григорий Петрович протянул Давиду широкую, покрытую мозолями ладонь.

— Пишите, молодой человек, только не делайте из нас героев. Мы просто хотим работать.

— А я и не собирался делать из вас героев.

— Вот и хорошо. Героям иногда памятники ставят, а рабочим зарплату задерживают.

Михаил рассмеялся. Даже Александр улыбнулся.

Они говорили о железной дороге, о нехватке деталей, о продовольствии и о людях, которые возвращались домой, не зная, найдут ли прежнюю работу. Давид слушал, задавал вопросы и записывал.

Перед уходом Александр неожиданно спросил:

— Вы пишете о политике?

— Иногда.

— Тогда напишите, что мы устали быть частью чужих решений. Мы не знаем, какой будет новая власть, но хотим, чтобы нас хотя бы спрашивали, прежде чем решать за нас.

Давид посмотрел на него внимательнее.

— А ты сам знаешь, чего хочешь?

Молодой человек задумался.

— Чтобы больше не пришлось уходить из дома с винтовкой. Наверное, для начала этого достаточно.

В редакции Давид долго сидел над заметками. Ему хотелось сохранить не только содержание разговора, но и ту простую правду, которая звучала в словах Александра. Политические документы могли объяснить, как меняется устройство государства. Но только человеческие голоса позволяли понять, зачем всё это было нужно.

Он начал статью с рассказа о железнодорожниках, а затем перешёл к предстоящему созыву Закавказского сейма. Редактор прочитал текст и одобрительно кивнул.

— Теперь лучше. Ты не пытаешься объяснить читателю, что он должен думать. Ты показываешь, почему ему небезразлично происходящее.

Давид отложил перо.

За окном шёл обычный рабочий день. На улице торговались покупатели, звенели трамваи, кто-то торопился на встречу. Но прежний порядок уже переставал быть опорой, на которую можно было положиться без размышлений.

Закавказье готовилось самостоятельно решать свою судьбу. И вскоре этим намерениям предстояло обрести конкретную форму.

Глава 10. Люди, которым предстояло решать

В феврале 1918 года в Тифлисе всё чаще говорили о предстоящем заседании Закавказского сейма.

Само название нового органа постепенно входило в повседневную речь. Газетчики печатали сообщения о подготовке к его работе, служащие обсуждали будущие полномочия, а посетители редакций спрашивали, смогут ли новые представители договориться между собой.

Давид получил поручение подготовить обзор политической обстановки. Редактор передал ему несколько материалов и предупредил:

— Не превращай статью в перечень фамилий. Читателю важно понимать, почему эти люди оказались перед таким выбором.

— Но без фамилий не обойтись.

— Разумеется. Только за каждой фамилией должна стоять ответственность, а не одна известность.

Давид принялся за работу.

Он выяснил, что в состав сейма должны войти представители, избранные в российское Учредительное собрание от Закавказья. Среди них были грузинские социал-демократы, армянские и азербайджанские политические силы, представители других партий и групп. Никто не мог рассчитывать на то, что решения будут приниматься без споров.

В один из дней редактор попросил Давида доставить пакет в здание, где проходили подготовительные совещания. Молодой журналист согласился, хотя понимал, что его поручение вряд ли даст возможность увидеть что-нибудь необычное.

В коридоре было людно. Одни входили в кабинеты, другие выходили, задерживаясь у окон и продолжая начатые разговоры. Служащий принял пакет и попросил Давида подождать, пока проверят документы.

Неподалёку двое мужчин обсуждали предстоящую работу сейма. Один говорил о необходимости сохранить единство Закавказья, другой возражал, что без учёта интересов отдельных народов такое единство останется только на бумаге.

Давид не пытался подслушивать, но отдельные фразы сами собой достигали его слуха.

— Нельзя строить общее будущее, не договорившись о принципах, — сказал один.

— А нельзя бесконечно обсуждать принципы, когда вокруг рушатся привычные механизмы управления, — ответил другой.

Разговор продолжался, но Давид уже смотрел на людей, проходивших по коридору. Здесь не было ни торжественности, ни ощущения исторического величия. Люди спешили, искали нужные документы, уточняли время встреч, спорили о порядке заседаний. Именно так, подумал он, и начинались события, о которых впоследствии будут писать в учебниках.

Когда служащий вернул ему расписку, Давид уже собирался уходить, но в дверях появился знакомый редактору чиновник.

— Вы из газеты?

— Да. Давид, сотрудник редакции.

— Передайте вашему редактору, что официальные сведения о работе сейма будут предоставляться по мере их утверждения. Сейчас многое ещё находится в стадии подготовки.

— Обязательно передам.

— И посоветуйте ему не торопиться с выводами. Предстоит серьёзная работа.

На улице Давид остановился возле афишной тумбы. Он увидел объявление о театральном представлении, рядом — газетный листок с последними известиями. В городе по-прежнему соседствовали искусство и тревога, обычная жизнь и ожидание больших событий.

Дома отец спросил, удалось ли ему что-нибудь узнать.

— Пока только то, что люди готовятся к работе и понимают, насколько она сложна.

— Это уже немало.

— Мне кажется, они ещё не знают, каким будет результат.

— А кто знает? — ответил Георгий Давидович. — Иногда человек начинает большое дело, не представляя, куда оно его приведёт. Но это не освобождает его от ответственности за первый шаг.

В начале февраля в Тифлисе начал работу Закавказский сейм. Его заседания стали важнейшим событием для всего края. Представители разных политических сил получили возможность обсуждать вопросы, от которых зависело дальнейшее устройство Закавказья.

Давид внимательно следил за сообщениями. В газетных заметках появлялись фамилии председателей фракций, руководителей комиссий и участников заседаний. Среди грузинских политических деятелей всё заметнее становился Ной Жордания, один из лидеров социал-демократического движения. Но Давид пока знал о нём главным образом по газетным выступлениям и сообщениям.

Однажды редактор положил перед молодым журналистом очередную подборку документов.

— Запомни, — сказал он, — сейчас начинается период, когда каждое слово может иметь последствия. Мы не должны подменять факты собственными ожиданиями.

— Даже если события развиваются быстрее, чем мы успеваем их описывать?

— Особенно тогда.

Давид взял бумаги и вернулся к своему столу.

Вечером он встретился с Никой. Тот сообщил, что его направляют на несколько дней в сторону Гори. На железной дороге требовалось наладить работу одного из участков.

— Опять дорога? — спросил Давид.

— А что делать? У каждого своя служба. Ты будешь писать о тех, кто заседает, а я постараюсь, чтобы до них хотя бы доходили поезда.

— Вернёшься?

— Конечно. Не думай, что так легко от меня избавишься.

Они пожали друг другу руки.

Когда Ника ушёл, Давид ещё долго стоял на улице. Впервые ему стало ясно, насколько тесно связаны между собой решения, принимаемые в политических залах, и работа людей, которые никогда не войдут в эти залы.

Сейм мог обсуждать будущее Закавказья. Но это будущее предстояло строить не только его представителям. Оно зависело от железнодорожников, врачей, учителей, рабочих, торговцев, от каждого, кто продолжал выполнять свою работу в непростое время.

И Давид всё чаще думал, что именно об этих людях он должен писать прежде всего.

Глава 11. Между словом и решением

Работа Закавказского сейма постепенно становилась главной темой городских разговоров. В Тифлисе уже привыкли к тому, что политические новости могли изменить настроение целого дня. Утром люди обсуждали очередное заседание, днём спорили о заявлениях представителей партий, а вечером пытались понять, что всё это означает для их собственного будущего.

Давид теперь почти ежедневно бывал в редакции. Он готовил небольшие обзоры, проверял сообщения, встречался с людьми, чья работа зависела от положения в крае. Иногда ему казалось, что он пишет одну и ту же статью разными словами: власть должна быть ответственной, договорённости — исполнимыми, а интересы людей — не забытыми. Но события каждый раз добавляли новые обстоятельства.

В начале одной из февральских недель редактор передал ему заметку, поступившую из политических кругов.

— Прочти внимательно. Здесь говорится о переговорах с османской стороной. Вопрос непростой.

— Из-за границ?

— Не только. Война продолжается, прежняя армия распадается, а Закавказье вынуждено самостоятельно решать вопросы безопасности. В таких условиях дипломатия становится не менее важной, чем военная сила.

Давид просмотрел текст. В нём упоминались переговоры о прекращении боевых действий и необходимости определить дальнейший порядок отношений с соседями.

— Значит, мир уже близко? — спросил он.

Редактор покачал головой.

— Не путай переговоры с миром. Между ними иногда лежит целая пропасть.

Эта фраза показалась Давиду точной. Он записал её на полях блокнота.

В тот же день он встретил Ираклия, железнодорожного служащего, с которым познакомился через Нику. Тот стоял у входа в мастерскую и беседовал с несколькими рабочими. Увидев Давида, он помахал рукой.

— Ну что, журналист, опять собираешься писать о судьбах Закавказья?

— Если вы расскажете что-нибудь интересное.

— Интересного у нас хватает. Только оно почему-то редко попадает в газеты.

Ираклий объяснил, что на некоторых направлениях движение поездов стало непредсказуемым. Не хватало исправных вагонов, задерживались поставки топлива, возникали споры между различными служебными управлениями. Рабочие старались поддерживать движение, но каждый день приносил новые трудности.

— А люди всё равно едут, — добавил он. — К родственникам, домой, на заработки. Им не объяснишь, что у нас политический кризис. Они хотят знать, когда отправится поезд.

— Ты думаешь, новые органы управления смогут навести порядок?

— Посмотрим. Только пусть сначала поймут, что железная дорога — это не строчка в отчёте. Она соединяет людей. Если связь между городами нарушится, никакие красивые речи не помогут.

Давид записал его слова.

Вечером он застал дома отца за чтением очередной газеты. Георгий Давидович выглядел задумчивым.

— Что думаешь о переговорах с Османской империей? — спросил Давид.

— Думаю, что положение чрезвычайно сложное. Закавказье оказалось между большими интересами и собственными разногласиями. Ему придётся говорить с соседями, не забывая о том, что внутри самого края ещё нет полного согласия.

— Но ведь сейм именно для этого и создан?

— Он создан для представительства интересов. А представлять интересы и находить между ними согласие — разные задачи.

Отец закрыл газету.

— Запомни, сын: политик может произнести правильные слова, но история оценивает не красоту речи. Она проверяет, удалось ли человеку предотвратить беду.

Давид задумался.

— Значит, самое трудное ещё впереди?

— Самое трудное редко приходит с предупреждением.

Через несколько дней в редакцию поступило сообщение о подготовке делегации для переговоров с османской стороной. Среди тех, кому предстояло сыграть заметную роль в дипломатических контактах, назывался Акакий Чхенкели.

Давид знал эту фамилию. Чхенкели был одним из влиятельных грузинских политических деятелей, человеком, которому предстояло заниматься не только внутренними вопросами, но и сложными отношениями с соседними государствами.

— Вот о ком тебе стоит собрать материал, — сказал редактор. — Но без преждевременных выводов. Сейчас важнее понять, какую задачу ему предстоит решить.

Давид отправился в библиотеку, затем посетил несколько знакомых редакции. Он узнал о прежней политической деятельности Чхенкели, о его участии в общественной жизни и о том, что ему доверяли сложные переговоры. Но чем больше он читал, тем яснее понимал: биография сама по себе ещё не объясняет человека.

Его интересовало другое: каково это — оказаться перед необходимостью договариваться от имени края, в котором разные народы не всегда одинаково представляли себе будущее?

Он написал об этом короткую заметку, но редактор попросил пока отложить её.

— Дождёмся конкретных решений, — сказал он. — Не надо заранее приписывать человеку ни победу, ни поражение.

Давид не спорил.

В тот вечер он получил письмо от Ники. Тот сообщал, что добрался до назначенного участка, что работа оказалась тяжёлой, но необходимой, и что на станции люди всё чаще спрашивают о будущих переговорах.

«Они говорят, что если политики не сумеют договориться, то снова пострадают те, кто не имеет никакого отношения к их спорам», — писал Ника.

Давид перечитал эту строку несколько раз.

Он понял, что за последние месяцы его представление о журналистике изменилось. Прежде ему хотелось быть свидетелем больших событий, видеть известных людей, присутствовать при важных разговорах. Теперь он всё чаще думал о том, что настоящее значение истории открывается не только в кабинетах и залах заседаний. Оно обнаруживается в доме, где ждут возвращения сына, на станции, где рабочие пытаются отправить поезд, в больнице, где врач не знает, хватит ли лекарств до следующей недели.

Он положил письмо в ящик стола.

Закавказье вступало в период, когда дипломатические решения могли определить не только отношения с соседями, но и само существование общего политического устройства. А пока в Тифлисе продолжалась жизнь — тревожная, трудная, но не утратившая своей человеческой теплоты.

Глава 12. Дорога к переговорам

В марте 1918 года разговоры о переговорах стали занимать всё больше места в газетах и частных беседах.

События развивались стремительно. Османская армия возобновила наступление на Кавказском фронте, и положение Закавказья осложнилось. Прежние военные структуры уже не могли обеспечить устойчивую оборону, а новые политические органы только начинали вырабатывать общую линию действий.

В редакции Давид увидел, что редактор почти не отходит от стола. На нём лежали телеграммы, сообщения корреспондентов, копии официальных документов.

— Сегодня пришли новые сведения с фронта, — сказал он. — Не все они согласуются между собой. Проверяй каждое сообщение отдельно.

— Положение действительно настолько серьёзное?

— Достаточно серьёзное, чтобы не позволять себе беспечности.

Давид принялся за работу.

В одной из телеграмм сообщалось о движении османских частей. В другой говорилось о попытках местных властей организовать оборону. Третья содержала сведения о переговорах, которые должны были состояться в ближайшее время.

Редактор остановился возле его стола.

— Понимаешь, что сейчас происходит?

— Закавказье пытается определить свою позицию, не имея ни прежней военной опоры, ни полного политического согласия.

— Хорошо сказано. Только не забудь добавить, что речь идёт о людях, которые живут на этой земле и могут оказаться между решениями, принятыми далеко от их домов.

Давид посмотрел на редактора.

— Вы всегда возвращаете меня к людям.

— Потому что ты иногда слишком увлекаешься историей. А история без людей — всего лишь перечень дат.

Вскоре стало известно, что для переговоров с османской стороной готовится делегация Закавказья. В числе её участников должен был находиться Акакий Чхенкели. Предстояло обсуждать вопросы прекращения боевых действий и условия дальнейших отношений.

Давид попросил редактора разрешить ему подготовить расширенный материал о предстоящей миссии.

— Подготовить можешь, — ответил тот. — Но не рассчитывай, что тебе удастся присутствовать при закрытых переговорах.

— Я понимаю.

— Тогда собери всё, что можно узнать достоверно. И не забывай: делегация представляет не только одну политическую партию и не только один народ. За ней стоит сложный, ещё не сложившийся политический организм.

Вечером Давид встретился с Михаилом возле станции. Тот был занят погрузкой оборудования и сначала не заметил молодого журналиста.

— Михаил!

Служащий обернулся.

— Давид? Давно тебя не видел.

— Как дела?

— Как у всех. Работаем. Только теперь всякий раз приходится выяснять, кто отвечает за распоряжения.

— Слышал о предстоящих переговорах?

— Конечно. Все слышали. Одни надеются, что они принесут передышку, другие говорят, что уступать нельзя ни в чём.

— А ты как думаешь?

Михаил задумался.

— Я не дипломат. Мне трудно судить о том, какие условия можно принять, а какие нет. Но знаю одно: если переговоры не состоятся или провалятся, воевать снова придётся тем, кто меньше всего этого хочет.

Он посмотрел в сторону платформы, где рабочие готовили к отправке состав.

— Мой брат Александр недавно устроился в мастерскую. Радуется, что снова работает. Я бы хотел, чтобы ему больше не пришлось надевать шинель.

Давид ничего не ответил. Он понял, что в этих словах заключалось гораздо больше, чем в рассуждениях о военной стратегии.

В тот же вечер в доме Георгия Давидовича собрались родственники. Среди гостей оказался двоюродный брат отца, служивший прежде в одном из административных учреждений. Он с тревогой говорил о положении на границах.

— Нельзя вести переговоры, не понимая, чего хотят соседи, — заметил он. — Но и без переговоров невозможно остановить войну.

— Значит, нужно разговаривать, — сказала Мария Георгиевна.

— Разговаривать мало. Нужно иметь возможность отстоять свою позицию.

— А если за неё придётся платить чужими жизнями?

Мужчина не сразу нашёлся с ответом.

Георгий Давидович вмешался:

— Любое решение в такой обстановке будет трудным. Но прежде чем требовать от других мужества, следует подумать, кто именно понесёт его цену.

Давид слушал и чувствовал, что разговор постепенно становится слишком напряжённым. Он перевёл его на другую тему, спросив родственника о старых знакомых. Но сказанные слова остались в памяти.

Через несколько дней стало известно, что переговоры начнутся в Трапезунде. Делегация Закавказья отправлялась туда в условиях военного давления и глубоких политических разногласий.

Давид подготовил материал о предстоящей встрече. Он не пытался предсказать её исход. Вместо этого написал о том, почему переговоры стали необходимостью, какие интересы пред-

стояло согласовать и насколько трудно было представителям Закавказья выступать с единой позиции.

Редактор внимательно прочитал статью.

— Хорошо. Только вот здесь убери слово «единодушно». Ты сам понимаешь почему.

— Потому что единства пока нет.

— Именно. А если оно появится, это должно быть подтверждено делом.

Статья вышла на следующий день.

Ника вернулся в Тифлис неожиданно. Он появился в редакции под вечер, уставший после дороги, но довольный.

— Ну что, дипломат? — встретил его Давид. — Вернулся с переговоров?

— С каких ещё переговоров? Я всего лишь привёз состав.

— Но ведь состав тоже может быть участником истории.

— Тогда запиши: участник истории требует горячего ужина.

Они рассмеялись и вышли вместе.

В небольшом заведении неподалёку от редакции Ника рассказал о своей поездке. На станциях было неспокойно, люди ждали новостей, а железнодорожники работали с напряжением, которого раньше не испытывали. Он видел солдат, возвращавшихся домой, семьи, пытавшиеся добраться до родных мест, и чиновников, которые сами не всегда понимали, какие распоряжения следует исполнять.

— Знаешь, Давид, — сказал он, — мне кажется, сейчас каждый пытается найти твёрдую землю под ногами. Только земля тоже меняется.

— А ты нашёл?

Ника посмотрел на него и улыбнулся:

— Пока нашёл место, где можно поесть. Для начала достаточно.

Давид засмеялся.

За окном сгущались сумерки. На улицах зажигались фонари, в домах готовились к вечеру. Где-то далеко от Тифлиса люди садились за стол переговоров, от исхода которых зависело будущее Закавказья.

И впервые Давид почувствовал, что расстояние между теми, кто принимает решения, и теми, кто ждёт их последствий, не так велико, как кажется. Иногда оно измеряется всего лишь одной дорогой, одним поездом, одним письмом, которое должно вовремя дойти до адресата.

Глава 13. Трапезундские вести

В марте 1918 года Тифлис жил ожиданием новостей из Трапезунда. В редакциях газет следили за телеграммами, в политических кругах обсуждали возможные условия соглашения, а на улицах всё чаще звучали вопросы, на которые никто пока не мог дать определённого ответа.

Давид понимал, что переговоры идут в непростых обстоятельствах. Закавказская делегация должна была отстаивать интересы края перед Османской империей, но за столом переговоров ей предстояло столкнуться не только с требованиями другой стороны, но и с разногласиями внутри собственного политического руководства.

Однажды утром редактор положил перед ним свежую телеграмму.

— Читай. Поступили новые сведения.

Давид быстро пробежал глазами текст.

— Османская сторона настаивает на признании Брест-Литовского договора?

— Это один из главных вопросов. По условиям договора, заключённого Советской Россией с Центральными державами, Батум, Карс и Ардаган должны были перейти под османский контроль. Но представители Закавказья не считали, что договор автоматически связывает их обязательствами.

— Значит, переговоры начинаются с разногласия, которое невозможно обойти?

— Именно. А за этим разногласием стоят города, территории и судьбы людей.

Редактор снял очки и потёр переносицу.

— Напиши об этом спокойно. Не надо изображать, будто одна сторона уже победила, а другая проиграла. Переговоры ещё продолжаются.

Давид принялся за работу. Он старался объяснить читателям, почему вопрос о Брест-Литовском договоре имел такое значение для Закавказья и почему положение делегации было особенно сложным. Но чем больше он писал, тем яснее понимал, что за сухими названиями городов скрывается целый мир: дома, рынки, мастерские, семьи, кладбища, память нескольких поколений.

В тот день он встретился с Михаилом. Тот пришёл в редакцию узнать, не появилось ли официальных сообщений о переговорах.

— Ты следишь за ними? — спросил Давид.

— А как же. У меня родственники в Карсе. Давно не получал от них писем.

— Ты знаешь, что именно обсуждают?

— Примерно. Но мне не столько важно, как они назовут соглашение. Я хочу знать, что станет с людьми, которые там живут.

Михаил помолчал.

— Когда-то мой отец ездил туда по торговым делам. Рассказывал, что в Карсе можно было встретить людей разных народов, услышать разные языки. Он говорил, что город живёт торговлей и привычкой соседствовать. Теперь всё это может оказаться под угрозой.

Давид записал его слова, но не стал превращать их в политический комментарий. Он понимал, что это личная боль человека, которому не безразлична судьба родных мест.

К концу марта сообщения из Трапезунда становились всё тревожнее. Переговоры не приносили ожидаемого результата. Османская делегация усиливала требования, а закавказские представители не могли согласиться на условия, которые считали неприемлемыми.

Однажды вечером редактор вызвал Давида к себе.

— Похоже, переговоры заходят в тупик.

— Значит, соглашения не будет?

— Пока ничего нельзя утверждать. Но обстановка на фронте меняется быстрее, чем дипломатические формулировки.

Давид посмотрел на него.

— Что будет дальше?

— Это уже вопрос не к журналистам.

На следующий день в редакцию пришёл Ника. Он собирался снова отправиться в поездку и хотел успеть увидеть Давида перед отъездом.

— На станциях говорят, что османские войска продвигаются вперёд, — сообщил он. — Люди тревожатся. Некоторые пытаются уехать, другие возвращаются к семьям.

— А ты?

— А я еду туда, куда направили. У меня служба.

— Не опасаешься?

Ника пожал плечами.

— Опасаться можно сколько угодно. Но если все разойдутся по домам, кто будет работать?

Они вышли на улицу. Ника остановился возле газетного киоска и купил свежий номер.

— Вот что я тебе скажу, Давид. Когда читаешь газету, кажется, что всё происходит где-то далеко. А потом приезжаешь на станцию и видишь людей, которые не знают, куда им ехать и где искать своих близких. И понимаешь, что никакого далёкого события нет.

Давид молча кивнул.

Вечером он долго сидел над статьёй. За окном шумел город, в соседнем доме играли на фортепиано. Жизнь продолжалась, но в ней появилось тревожное ожидание, которое уже невозможно было заглушить привычными разговорами.

Давид закончил материал словами о том, что судьба Закавказья не может решаться только военными распоряжениями и дипломатическими заявлениями. Она зависит и от того, удастся ли сохранить человеческую жизнь, достоинство и возможность мирного сосуществования народов края.

Редактор прочитал заключение и не стал ничего менять.

— Оставь, — сказал он. — Это важно.

Глава 14. Цена несогласия

В начале апреля новости из Трапезунда окончательно развеяли надежды на быстрое дипломатическое решение. Переговоры зашли в тупик, и османская армия продолжала наступление. Закавказское руководство оказалось перед необходимостью решать вопросы обороны, не имея ни достаточных сил, ни единой позиции по всем важнейшим вопросам.

В Тифлисе это ощущалось даже в мелочах. На рынках люди стали чаще спрашивать о запасах продовольствия. В учреждениях увеличилось число посетителей. На железнодорожных станциях появлялись семьи, которые надеялись уехать в более спокойные места.

Давид встретил Нику возле станции. Тот вернулся из поездки раньше, чем ожидалось, и выглядел подавленным.

— Что случилось?

— На одном участке движение пришлось менять. Поступили распоряжения, потом их отменили. Люди не понимали, кто отвечает за безопасность. Несколько семей пришлось отправить обратно.

— Они не смогли уехать?

— Не было уверенности, что поезд сможет пройти дальше. Представь себе: мать с двумя детьми стоит на платформе, а служащий говорит ей, что пока не знает, куда отправится состав. Что ей отвечать? Что история решает судьбу Закавказья?

Давид опустил глаза.

— Ты прав. Это не объяснение.

— Я не обвиняю никого. Просто говорю, как оно выглядит на земле.

Они прошли вдоль станции. На путях стоял состав с военными грузами. Рабочие проверяли вагоны, машинист разговаривал с дежурным. Всё происходило быстро, но без прежней слаженности.

— Мне кажется, — сказал Ника, — люди наверху ещё не поняли, насколько дорого обходится каждое промедление.

— Возможно, они тоже не знают, какое решение правильное.

— Тогда пусть хотя бы не делают вид, что знают.

Давид запомнил эту фразу.

В редакции он узнал, что политические разногласия между представителями Закавказья усиливаются. Грузинские, армянские и азербайджанские политические силы по-разному оценивали угрозу и возможные способы её преодоления. У каждой стороны были собственные опасения, собственные интересы и свои представления о допустимых уступках.

Редактор попросил Давида подготовить материал о положении дел.

— Не ищи виноватых среди целых народов, — предупредил он. — И не своди сложные решения к простому противопоставлению. Люди могут расходиться во взглядах, не переставая быть соседями.

— Но ведь разногласия могут привести к распаду общего политического устройства.

— Могут. А могут заставить людей искать другой способ договориться. Мы пока не знаем.

Давид начал писать, но вскоре понял, что обычной газетной заметки недостаточно. Он отправился в городскую библиотеку, где встретил знакомого преподавателя истории, Георгия Николаевича. Тот просматривал свежие издания и, увидев молодого журналиста, пригласил его присесть.

— Вы всё пишете о политике? — спросил преподаватель.

— Сейчас трудно писать о чём-нибудь другом.

— Напрасно. Люди продолжают жить, даже когда государственные учреждения переживают кризис.

— Но ведь именно от политических решений теперь зависит их жизнь.

— Конечно. Только не забывайте, что решения принимают люди, а не отвлечённые силы истории.

Они поговорили о положении Закавказья, о сложных отношениях между политическими партиями и о том, насколько трудно создать общий порядок там, где у каждого участника есть собственное понимание будущего.

— В истории часто ищут простое объяснение, — сказал Георгий Николаевич. — Один человек виноват, другой оказался прав, одна сторона победила, другая проиграла. Но действительность редко бывает такой удобной. Особенно в переломные годы.

Давид задумался.

— Значит, историк должен показывать противоречия?

— И прежде всего не скрывать их. Иначе он перестанет быть историком.

Когда Давид вернулся домой, отец сидел за письменным столом. Он разбирал старые документы, которые давно собирался привести в порядок.

— Ты сегодня поздно, — заметил Георгий Давидович.

— Был в библиотеке. Разговаривал с Георгием Николаевичем.

— Хороший человек. Что думает о происходящем?

— Говорит, что нельзя искать простых объяснений сложным событиям.

Отец улыбнулся.

— Значит, вы говорили об одном и том же.

Он отложил бумаги и посмотрел на сына.

— Давид, ты должен понимать: сейчас каждый будет защищать то, что считает своим долгом. Но долг одного человека иногда вступает в противоречие с долгом другого. В такие времена особенно важно не терять способность видеть в оппоненте человека.

— А если он ошибается?

— Тогда спорь с его решением, а не отнимай у него человеческое достоинство.

Эти слова Давид запомнил надолго.

На следующий день он закончил статью. В ней не было обвинений и громких предсказаний. Он писал о трудностях переговоров, о разногласиях внутри Закавказья и о необходимости искать решение, которое позволило бы сохранить мир и возможность совместной жизни.

Редактор прочитал материал и задумчиво произнёс:

— Ты становишься осторожнее.

— Это плохо?

— Нет. Но осторожность не должна превращаться в молчание. Иногда нужно сказать прямо то, что видишь.

Давид забрал рукопись и вернулся к своему столу.

В тот вечер пришло письмо от Ники. Тот сообщал, что его снова направляют на железнодорожный участок, где требовалась помощь. Он писал коротко, без жалоб, но между строк Давид чувствовал усталость.

В конце письма стояла одна фраза:

«Если когда-нибудь всё это закончится, я хотел бы снова жить так, чтобы главной новостью дня было не то, кто с кем воюет, а то, что у соседа родился ребёнок».

Давид сложил письмо и положил рядом с предыдущим.

Закавказье приближалось к решающему выбору. Политические противоречия становились всё заметнее, военная обстановка ухудшалась, а надежда на сохранение общего порядка требовала уже не одних слов, но и конкретных действий.

И всё же люди продолжали ждать, что разум окажется сильнее страха, а необходимость договориться — сильнее желания настоять на своём.

Глава 15. Когда решения становятся неизбежными

Апрель 1918 года оказался для Закавказья месяцем тяжёлых испытаний. Переговоры не принесли желаемого результата, военная обстановка ухудшалась, а политические разногласия всё заметнее мешали выработке общей позиции.

В Тифлисе уже никто не воспринимал происходящее как временное недоразумение. Люди понимали: прежний порядок окончательно ушёл в прошлое, а новый ещё не успел обрести устойчивость.

Давид пришёл в редакцию рано. На столе лежали свежие сообщения с фронта, рядом редактор раскладывал телеграммы, поступившие из разных городов.

— Сегодня готовим специальный выпуск, — сказал он. — Положение требует подробного объяснения.

— Что произошло?

— Османские войска продолжают наступление. Вопросы, которые ещё недавно обсуждались за столом переговоров, теперь решаются под давлением военных обстоятельств.

Давид прочитал документы. В сообщениях упоминались Батум, Карс и другие населённые пункты, судьба которых становилась предметом серьёзного спора. Он понимал, что эти названия теперь будут звучать не только в политических кабинетах. За каждым из них стояли люди, для которых происходящее означало угрозу дому, привычному укладу и безопасности семьи.

— Как нам писать об этом? — спросил он.

— Точно. И без истерики. Не надо делать вид, будто мы можем управлять событиями с помощью газетных заголовков.

Давид приступил к работе.

К полудню в редакцию пришёл Михаил. Он принёс письмо от родственников, живших неподалёку от Карса. Письмо было коротким. Родные сообщали, что обстановка тревожная, что люди стараются запастись необходимым и что многие семьи обсуждают возможность отъезда.

— Они не знают, что будет дальше, — сказал Михаил. — И мы здесь не знаем.

Давид осторожно взял листок.

— Ты собираешься им отвечать?

— Конечно. Только что писать? Что всё будет хорошо? Я не могу этого обещать.

Он помолчал, затем добавил:

— Когда я был мальчишкой, отец говорил, что дом — это не только стены. Это ещё и люди, которые знают, где тебя искать. Теперь я боюсь, что мы можем потерять не стены, а саму возможность вернуться.

Давид не стал задавать новых вопросов. Он понимал, что некоторые слова лучше оставить человеку, не пытаясь превратить их в газетный материал.

Вечером он встретился с Никой. Тот собирался вновь отправиться в сторону западных железнодорожных линий.

— Говорят, положение становится всё хуже, — сказал Давид.

— Говорят много. Но я видел, как люди грузят вещи и уезжают. Это уже не разговоры.

— Ты сам не думаешь уехать?

— Куда? Моя работа здесь. Да и не могу я бросить тех, кто остаётся.

Ника посмотрел на друга.

— Знаешь, что меня удивляет? Люди всё ещё находят время помогать друг другу. На станции один старик потерял документы. Незнакомый парень помог ему разыскать семью. Женщина поделилась хлебом с детьми, которых даже не знала. Вокруг столько тревоги, а человеческое в людях почему-то не исчезает.

Давид улыбнулся.

— Может быть, именно это и удерживает город.

— Может быть.

Они попрощались у перекрёстка.

В следующие дни Давид внимательно следил за сообщениями из политических учреждений. Стало ясно, что прежняя идея единого Закавказья испытывает серьёзные трудности. Представители различных политических сил не могли одинаково оценивать военные угрозы и возможные условия соглашения.

В редакции всё чаще обсуждали необходимость самостоятельных решений. Но что именно означала самостоятельность для каждой из сторон, оставалось предметом споров.

Однажды редактор положил перед Давидом документ и сказал:

— Посмотри. Здесь важное заявление. Нужно подготовить комментарий.

Давид прочитал текст, затем поднял глаза.

— Выходит, вопрос уже не только в переговорах с Османской империей. Само устройство Закавказья может измениться.

— Да. И очень скоро.

— А что будет с Грузией?

Редактор некоторое время молчал.

— Это зависит от того, сумеют ли её представители определить собственную позицию и найти способ действовать. Но пока рано писать о том, чего ещё не произошло.

Давид вернулся к столу.

В тот вечер он долго разговаривал с отцом. Георгий Давидович внимательно выслушал сына и произнёс:

— Иногда история подводит людей к выбору, которого они не хотели делать. Но если прежнее устройство больше не работает, приходится искать новое.

— А если новое окажется хуже прежнего?

— Такое возможно. Поэтому нельзя принимать решения только ради того, чтобы избавиться от старого. Нужно понимать, что именно ты собираешься построить вместо него.

Мария Георгиевна, слушавшая их разговор, тихо сказала:

— Я бы хотела, чтобы всё это закончилось миром.

Отец посмотрел на неё.

— Я тоже.

Давид заметил, что в этот вечер родители впервые за долгое время не стали спорить о политике. Они сидели рядом, и каждый, вероятно, думал о своём.

Вскоре стало известно, что закавказские представители готовятся к новым переговорам, а политические противоречия между участниками сейма становятся всё острее. Впереди были решения, которые могли изменить судьбу всего края.

Давид понимал: скоро ему придётся писать не только о том, что происходит, но и о том, что люди выбирают в обстоятельствах, когда ни один путь не кажется лёгким.

Глава 16. Расставание с общим будущим

Вторая половина апреля принесла события, которые ещё недавно казались невероятными. Закавказский сейм продолжал работу, но разногласия между его участниками станови-

лись всё глубже. Военные неудачи, дипломатические трудности и несовпадение политических интересов постепенно разрушали возможность сохранить единую позицию.

В Тифлисе это чувствовалось повсюду.

Давид однажды утром увидел возле редакции небольшую группу людей. Они оживлённо обсуждали последние новости. Один из мужчин утверждал, что Закавказье должно продолжать существовать как единое государственное образование. Другой настаивал, что без согласия всех сторон это невозможно.

— Мы слишком разные, — сказал третий.

— Разные — не значит неспособные жить вместе, — возразил пожилой человек.

Давид прошёл мимо, но последние слова запомнил.

В редакции редактор поручил ему подготовить материал о предстоящем заседании сейма.

— Сегодня нужно особенно внимательно следить за официальными сообщениями, — сказал он. — Ситуация может измениться очень быстро.

— Ожидается какое-то важное решение?

— Ожидается, что участникам придётся ответить на вопрос, который они долго старались отложить: возможно ли дальше существование общего Закавказья?

Давид понял, что речь идёт уже не о частных разногласиях.

Вечером он встретил Георгия Николаевича возле библиотеки. Преподаватель выглядел усталым, но сохранял привычную сосредоточенность.

— Как вы думаете, — спросил Давид, — Закавказская федерация сможет сохраниться?

— Вы хотите получить от меня прогноз?

— Скорее мнение.

Георгий Николаевич остановился.

— Общее государство невозможно удержать одними постановлениями. Для этого необходимо согласие хотя бы по основным вопросам. Если каждая сторона считает, что её безопасность требует совершенно другого решения, общий механизм начинает разрушаться.

— Но ведь можно искать компромисс.

— Можно и нужно. Только компромисс требует не только желания договариваться, но и готовности принять последствия договорённостей.

Он помолчал.

— История не любит пустоты, Давид. Если одна политическая форма перестаёт существовать, на её месте рано или поздно появляется другая. Вопрос лишь в том, насколько подготовлены к этому люди.

На следующий день в редакцию пришла телеграмма. Редактор прочитал её дважды и подозвал Давида.

— Положение проясняется. Грузинские представители всё решительнее склоняются к самостоятельному политическому пути.

— Значит, независимость?

— Пока не спеши. Сначала должны состояться необходимые политические решения. Но направление уже обозначилось.

Давид почувствовал странное волнение. Ещё несколько месяцев назад разговоры о самостоятельном государстве казались далёкими рассуждениями. Теперь они становились частью реальной политической повестки.

В тот же день он получил письмо от Ники. Тот писал, что на одном из участков железной дороги движение вновь изменилось, что люди тревожатся, но стараются сохранять порядок. В конце сообщал, что надеется скоро вернуться в Тифлис.

Давид положил письмо в ящик и отправился домой.

Отец встретил его вопросом:

— Что нового?

— Кажется, общее Закавказье приближается к распаду.

Георгий Давидович снял очки.

— Значит, решение становится неизбежным.

— Ты считаешь, что Грузии следует идти своим путём?

— Я считаю, что каждый народ имеет право определять собственную судьбу. Но самостоятельность — это не только возможность принимать решения без чужого участия. Это ещё и обязанность отвечать за последствия.

— А если соседние народы выберут другой путь?

— Тогда придётся учиться жить рядом, не превращая различия в вечную вражду.

Мария Георгиевна поставила на стол чайник.

— Вы говорите так, будто уже готовитесь к расставанию.

Отец посмотрел на неё.

— Не с людьми, Мария. С политическим устройством, которое перестало работать.

Она тихо ответила:

— Хотелось бы, чтобы люди никогда не расставались из-за того, что не смогли договориться их руководители.

В эти дни Давид всё чаще думал о том, как трудно будет писать о предстоящих переменах. Он не хотел изображать распад Закавказья ни торжеством одной стороны, ни поражением другой. Для него это было прежде всего окончанием определённого исторического опыта — опыта совместного управления, который не сумел преодолеть противоречия своего времени.

Вскоре стало известно, что Закавказская демократическая федеративная республика просуществует совсем недолго. Уже в мае её участникам предстояло окончательно определить дальнейшую судьбу своих политических образований.

Давид стоял у окна редакции и смотрел на улицу. Мимо проходили люди, в лавках торговались покупатели, из соседнего двора доносился детский смех.

Город ещё не знал, что совсем скоро станет столицей независимого государства. Но история уже подводила его к этому порогу.

Глава 17. Последние дни общего Закавказья

Май 1918 года начинался в Тифлисе с непривычного ощущения ожидания. Весна вступила в свои права, город наполнился светом, на улицах стало оживлённее, но разговоры попрежнему возвращались к политическим событиям.

Закавказская федерация, созданная всего несколькими неделями ранее, уже испытывала серьёзные трудности. Противоречия между её участниками оказались глубже, чем рассчитывали многие сторонники общего государства. Военные обстоятельства требовали быстрых решений, дипломатическая обстановка оставалась напряжённой, а единой позиции по отношениям с Османской империей выработать не удавалось.

Давид пришёл в редакцию и увидел, что редактор уже разбирает свежие телеграммы.

— Сегодня опять новости? — спросил он.

— Сегодня новости, которые могут изменить всё.

Редактор передал ему несколько листков. В них сообщалось о переговорах в Батуме и о разногласиях внутри закавказского руководства.

— Значит, федерация может распасться?

— Она уже фактически перестала быть устойчивым политическим объединением. Но дождёмся официальных решений.

Давид сел за стол.

— А что будет дальше?

— Вопрос теперь стоит не только о судьбе федерации. Грузинским представителям предстоит определить, каким они видят будущее собственной страны.

Давид поднял глаза.

— Самостоятельное государство?

— Возможно. Но не забывай: провозгласить независимость гораздо легче, чем обеспечить её существование.

Эти слова он записал в блокнот.

В полдень Давид встретил Ираклия возле мастерских. Тот ремонтировал небольшой механизм, помогая молодому рабочему.

— Ты опять занят?

— А ты думал, история освободит меня от работы? — усмехнулся Ираклий.

— Я хотел узнать, что слышно на железной дороге.

— Люди говорят о переговорах, о возможном распаде федерации. Одни ждут самостоятельности Грузии, другие боятся, что вслед за этим начнутся новые трудности.

— А ты сам чего ждёшь?

Ираклий вытер руки ветошью.

— Я хочу, чтобы наконец стало понятно, кто за что отвечает. Чтобы распоряжения не менялись каждый день и чтобы люди могли спокойно работать. Если для этого понадобится собственное государство, пусть оно будет. Но пусть оно будет не только на бумаге.

Давид улыбнулся.

— Ты опять говоришь как политик.

— Нет, я говорю как человек, которому завтра снова выходить на смену.

Они рассмеялись.

Позже Давид зашёл к родителям. Отец читал газету, мать занималась домашними делами.

— Похоже, всё решится в ближайшие дни, — сказал Давид.

— Что именно? — спросила Мария Георгиевна.

— Судьба федерации. Возможно, будет объявлена независимость Грузии.

Она на мгновение остановилась.

— Значит, мы будем жить в собственной стране?

— Если решение состоится.

Георгий Давидович сложил газету.

— Это серьёзное событие, сын. Но не следует воспринимать его только как праздник. Государство начинается не с объявления, а с ответственности за тех, кто в нём живёт.

— Ты всё время говоришь об ответственности.

— Потому что свобода без ответственности быстро превращается в красивое слово.

Давид сел рядом с отцом.

— А ты веришь, что у Грузии получится?

Георгий Давидович долго смотрел в окно.

— Я верю, что у неё есть право попробовать. А получится ли — зависит от людей.

Вечером Давид вернулся к работе. Он начал готовить материал о предстоящем решении, но пока не стал писать о независимости как о свершившемся факте. Он знал, что несколько дней могут изменить направление всей истории.

Перед уходом редактор остановил его.

— Давид, завтра будь здесь пораньше. Возможно, придётся готовить специальный выпуск.

— Я буду.

На улице уже зажигались фонари. Тифлис жил своей обычной жизнью, но за внешним спокойствием чувствовалось ожидание. В домах обсуждали будущее, в учреждениях готовились к новым решениям, а люди старались понять, что принесёт им наступающая неделя.

Никто ещё не знал, какими словами войдёт этот май в историю страны.

Но прежняя политическая конструкция уже уходила в прошлое.

Глава 18. Двадцать шестое мая

Утро 26 мая 1918 года выдалось ясным. Тифлис просыпался под звон колоколов и привычный шум улиц, но этот день не был похож на другие.

В городе быстро распространялись известия о заседании Национального совета Грузии. После распада Закавказской федерации грузинские политические представители должны были принять решение о будущем страны.

Давид узнал об этом ещё в редакции. Редактор вошёл в кабинет с несколькими документами и положил их на стол.

— Сегодня исторический день, — сказал он. — Национальный совет собирается принять акт о независимости Грузии.

Давид поднялся.

— Значит, решение уже подготовлено?

— Насколько известно, основные положения согласованы. Но дождёмся официального объявления.

В редакции царило необычное оживление. Сотрудники проверяли телеграфные сообщения, готовили набор, уточняли формулировки. Никто не хотел допустить ошибки в документе, которому предстояло стать частью истории.

Давид получил поручение отправиться к месту заседания и узнать, когда можно будет получить официальный текст.

На улицах он увидел множество людей. Одни спешили по делам, другие останавливались возле газетных киосков, третьи обсуждали последние новости. В городе ещё не было всеобщего торжества, но в воздухе чувствовалось особое напряжение.

Возле здания, где проходило заседание, собрались представители разных кругов общества. Давид заметил знакомых журналистов, служащих, несколько военных. Люди говорили негромко, ожидая известий.

Он встретил Георгия Николаевича.

— Вы тоже здесь? — спросил Давид.

— Разве мог я остаться в библиотеке в такой день?

— Как вы думаете, что произойдёт?

— Если Национальный совет примет акт, Грузия станет независимым государством. Но это будет только начало большого и трудного пути.

Они замолчали.

Через некоторое время появились первые официальные сообщения. Давид внимательно прочитал текст. Национальный совет провозгласил независимость Грузии. В документе говорилось о создании самостоятельного государства, равноправии граждан, политических и гражданских свободах, а также о стремлении к мирным отношениям с другими странами и народами.

Председателем правительства стал Ной Жордания.

Давид перечитал строки. Теперь это было не предположение и не предмет газетных рассуждений. Решение состоялось.

Он поспешил в редакцию.

Редактор уже ждал его.

— Есть?

— Есть. Независимость провозглашена.

Несколько секунд в кабинете стояла тишина. Затем редактор протянул руку.

— Поздравляю, Давид. Теперь будем работать.

Они подготовили специальный выпуск. Давид писал текст, редактор проверял каждую формулировку. Важно было не превратить событие в набор торжественных фраз, но и не умалить его значения.

Вскоре газета вышла на улицу. Её покупали, передавали из рук в руки, читали вслух. Люди останавливались возле киосков, обсуждали документ, пытались представить, какой станет их жизнь в независимой стране.

Давид вернулся домой ближе к вечеру. Мать встретила его у двери.

— Ну что?

Он улыбнулся.

— Грузия независима.

Мария Георгиевна перекрестилась и обняла сына.

Георгий Давидович стоял возле окна. Он протянул руку Давиду.

— Значит, это произошло.

— Да, отец.

— Теперь начинается самое трудное.

Они вышли на балкон. Над городом медленно опускались сумерки. Где-то играла музыка, на соседней улице слышались голоса, а возле одного из домов собрались люди, обсуждавшие новость.

— Знаешь, — произнёс отец, — я долго думал, что почувствую в такой день. Радость, гордость, облегчение… Но сейчас чувствую прежде всего тревогу за то, сумеем ли мы сохранить то, что получили.

— Разве нельзя просто порадоваться?

— Конечно, можно. И нужно. Только радость не должна мешать видеть завтрашний день.

Давид посмотрел на город.

Он вспомнил все последние месяцы: тревожные телеграммы, споры в редакции, разговоры с Никой и железнодорожниками, сомнения отца, ожидание политических решений. Всё это теперь складывалось в одну историческую линию.

В тот вечер он написал в блокноте:

«Сегодня Грузия стала независимым государством. Для одних это исполнение давней мечты, для других — начало неизвестного пути. Но теперь ответственность за будущее страны лежит на тех, кто будет строить её жизнь».

Он перечитал написанное и добавил:

«И на тех, кто будет жить в ней».

Перо остановилось.

Давид понимал: впереди ещё немало испытаний. Но этот день уже невозможно было вычеркнуть из истории.

Двадцать шестое мая стало датой рождения независимой Грузии. И вместе с этим рождением начиналась новая эпоха, в которой надежды предстояло проверять делами.

Глава 19. Первые заботы независимости

Первые дни после провозглашения независимости не принесли Тифлису ни тишины, ни уверенности в завтрашнем дне. Город постепенно привыкал к новому названию государства, к новым официальным объявлениям и к тому, что на зданиях учреждений теперь поднимался грузинский национальный флаг. Но привычки повседневной жизни менялись медленнее, чем государственные вывески.

В редакции Давид обнаружил, что работы стало больше. Газеты требовали точных сведений о составе правительства, о деятельности Национального совета, о первых дипломатических шагах. Читатели хотели знать, что будет с продовольствием, железной дорогой, армией, денежным обращением и безопасностью. Одни спрашивали о будущем с надеждой, другие — с тревогой, а третьи предпочитали пока не задавать вопросов.

— Независимость уже объявили, — заметил редактор, просматривая утренние материалы. — Теперь каждый будет спрашивать, что она ему принесла.

— И что мы должны ответить?

— То, что знаем. А если не знаем — не выдумывать.

Давид улыбнулся. За последние месяцы он понял, что эта простая редакторская заповедь иногда труднее любого политического решения.

В тот день ему поручили подготовить заметку о первых шагах нового правительства. Среди документов, поступивших в редакцию, были сообщения о переговорах с иностранными представителями, о необходимости укрепления государственных учреждений и о непростой обстановке на границах. Всё это требовало не громких слов, а людей, способных принимать решения.

Имя Ноя Жордания теперь встречалось в газетах почти ежедневно. Он возглавлял правительство и оказался перед задачей, для которой не существовало готовых инструкций. Независимость была провозглашена, но государственный аппарат ещё предстояло выстроить, а международное признание — завоевать. Приходилось одновременно думать о внешней безопасности, хозяйстве, финансах и внутреннем согласии.

Давид впервые увидел Жордания не на фотографии и не в газетной заметке, а в коридоре одного из государственных учреждений. Там было людно. Сотрудники переносили папки, кто-то ожидал приёма, двое чиновников тихо спорили у окна. Жордания вышел из соседнего кабинета вместе с несколькими сопровождавшими его людьми. Он выглядел утомлённым, но держался спокойно. На ходу выслушивал доклад, иногда останавливался, чтобы уточнить подробность.

Давид не стал приближаться. Он наблюдал за ним со стороны и вдруг понял, что перед ним не только известный политический деятель, но и человек, на плечи которого легла тяжесть решений, последствия которых невозможно было предвидеть до конца.

Чуть позже журналисту удалось задать короткий вопрос одному из сотрудников аппарата правительства:

— Какие задачи сейчас самые срочные?

Тот посмотрел на него с усталой улыбкой.

— Если перечислить все, у вас получится не газетная заметка, а целая книга.

— Значит, работы хватит.

— Работы хватит всем. Вопрос в том, хватит ли времени.

Эта фраза запомнилась Давиду больше многих официальных сообщений.

Вечером он вернулся домой позже обычного. Отец сидел у окна с газетой, мать занималась ужином. На столе лежало письмо от дальних родственников, живших неподалёку от Кутаиси. Они поздравляли семью с независимостью, но между строк чувствовалась тревога: торговля шла с перебоями, цены менялись, а будущее оставалось неопределённым.

— Ну что, Давид, — спросил отец, — уже построили новое государство?

— Пока только начали строить.

— Вот это, пожалуй, самый честный ответ.

Мария Георгиевна поставила на стол тарелку и посмотрела на сына.

— А люди когда почувствуют, что что-то изменилось?

Давид задумался.

— Не знаю, мама. Наверное, тогда, когда перестанут бояться завтрашнего дня.

Отец сложил газету.

— Не стоит ждать, что государство избавит человека от всех тревог. Но оно обязано создать условия, при которых человек сможет жить, работать и растить детей, не опасаясь произвола и беспорядка. Если этого не будет, одних торжественных слов окажется мало.

В разговоре не было ни спора, ни торжественного согласия. Каждый понимал, что теперь стране предстоит трудная дорога, а её направление будет зависеть не только от тех, кто заседает в правительственных кабинетах.

На следующий день Давид принёс в редакцию статью. Он не стал писать о победе и не пытался предсказывать будущее. В нескольких абзацах говорил о том, что независимость открыла перед Грузией возможность самостоятельно определять свою судьбу, но вместе с этой возможностью возникла обязанность отвечать за каждое принятое решение.

Редактор прочитал текст, снял очки и некоторое время молчал.

— Оставим, — наконец сказал он. — Только убери одно слово.

— Какое?

— «Легко». Ты написал, что теперь стране предстоит нелёгкий путь. Это правильно. Но в следующем предложении говоришь, что преодолеть трудности будет легко, если все объединятся. Не будет легко, Давид. Даже если объединятся.

Давид перечитал строку и зачеркнул её.

За окном проходили люди. Кто-то торопился по своим делам, кто-то останавливался у газетного киоска, кто-то разговаривал с приятелем на углу. Город жил своей обычной жизнью, хотя привычный порядок уже изменился.

Давид подумал, что, возможно, именно так и начинается настоящая история независимости: не с поднятого флага и не с торжественной речи, а с первого утра, когда людям приходится самим отвечать за то, что прежде решалось где-то далеко от них.

Глава 20. Школа для нового времени

Летом 1918 года Тифлис жил в необычном сочетании надежды и настороженности. В учреждениях обсуждали государственные дела, в газетах спорили о будущем республики, а на улицах по-прежнему торговали фруктами, звенели трамваи и перекликались извозчики.

В редакцию однажды пришло письмо от преподавателя одной из городских гимназий. Он сообщал, что среди учителей и родителей всё чаще обсуждается вопрос о будущем образования в независимой Грузии. Менялись государственные учреждения, появлялись новые требования к языку преподавания, но школы не могли перестроиться за несколько недель. Не хватало учебников, подготовленных преподавателей, средств на содержание классов.

Редактор поручил Давиду разобраться в теме.

— Только не пиши отвлечённо о просвещении, — предупредил он. — Найди школу, поговори с учителями и учениками. Пусть читатель увидит, что происходит на самом деле.

Давид отправился в гимназию на следующий день.

Здание встретило его запахом старого дерева, мела и бумаги. В коридоре стояли ученики, возле одной из дверей преподаватель объяснял что-то двум мальчикам. На подоконнике лежала раскрытая книга с потёртым переплётом.

Директора звали Николай Александрович. Это был невысокий человек с внимательными глазами и привычкой поправлять очки, когда он собирался с мыслями.

— Вы пришли писать о новой школе? — спросил он.

— Скорее о том, какой она должна стать.

— Тогда вам придётся сначала посмотреть на старую.

Он провёл Давида по классам. В одном занимались младшие ученики, в другом старшеклассники разбирали исторический текст. Преподавательница у доски объясняла материал на грузинском языке, а затем помогала одному из мальчиков разобраться с русским учебником.

— Мы не собираемся перечёркивать всё, что было прежде, — сказал директор. — У нас есть хорошие учителя, книги, накопленный опыт. Но теперь необходимо развивать национальное образование, готовить собственные кадры, создавать учебники. Это большая работа.

— А ученики понимают, что страна стала независимой?

Николай Александрович усмехнулся.

— Некоторые понимают лучше взрослых. Другие интересуются прежде всего тем, будет ли завтра контрольная.

Они вошли в класс, где шёл урок истории. Учитель, пожилой человек с седыми усами, как раз рассказывал о грузинских царях. На первой парте сидела девочка лет четырнадцати. Она внимательно следила за объяснением, но, заметив посетителей, на мгновение отвлеклась.

После урока Давид разговорился с ней.

— Ты хочешь стать учительницей? — спросил он.

— Пока не знаю. Может быть, врачом.

— Почему?

— Потому что люди болеют, а врач должен им помогать.

— А независимость страны для тебя что-нибудь значит?

Девочка задумалась.

— Конечно. Но я не очень понимаю, почему взрослые говорят об этом так, будто теперь всё должно измениться сразу. Разве можно за один день сделать хорошую школу?

Давид рассмеялся.

— Пожалуй, нельзя.

— Тогда пусть хотя бы не мешают учителям работать, — серьёзно сказала она.

В этих словах было больше здравого смысла, чем во многих газетных рассуждениях.

Вечером Давид встретил Нику возле железнодорожной станции. Тот возвращался после смены и выглядел измученным. Работа по-прежнему оставалась непростой: движение поездов зависело от состояния путей, снабжения и множества обстоятельств, которые не всегда можно было предусмотреть.

— Слышал, ты теперь занимаешься школами, — сказал Ника.

— А ты откуда знаешь?

— В Тифлисе новости распространяются быстрее поездов.

Они прошли немного вдоль улицы.

— В школе говорят, что стране нужны новые учителя, — сказал Давид.

— А на железной дороге говорят, что нужны новые паровозы, ремонтники и люди, которые умеют организовать работу. У каждого своё государство, Давид. У учителя — класс, у меня — станция, у твоего отца — дом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.